

ДМИТРИЙ РУЗАНОВ

ВЫРОДОК

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

16+

Дмитрий Рузанов

Выродок. Часть вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рузанов Д.

Выродок. Часть вторая / Д. Рузанов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Путь только начат. Как, пройдя через унижения и боль утрат, остаться самим собой? Ведь даже у великого воина есть прошлое. Но вот стоит ли его узнавать?

ВЫРОДОК. ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Третий срез

Пробуждение было приятным. Лёгкий тёплый ветерок порой набегал на полянку, глядя эльму по волосам. Она села, согнув одну ногу в колене и уперев руки в естественное лесное покрывало, выгнула спину. Тело ещё не отошло от тех нагрузок, которые выпали на них за последние дни. Голова немилосердно чесалась, да и под одеждой ощущался неприятный зуд. «Неплохо бы окунуться» – подумала Юллин. Привстав из своего ночного убежища, она осторожно посмотрела по сторонам.

Верхушки скал уже были захвачены в плен встающим светилом. Его лучи опускались всё ниже и скоро должны были накрыть место их ночлега. Негромко шелестела листва и кое-где ранние птицы уже настраивали свои крохотные горловые инструменты, готовясь к новому дню. Спутников Юллин не было видно, лишь торчали из покрова древесника пока ещё тёмно-серые камни. «Неплохо!» – мысленно усмехнулась эльма. «Только хотелось бы знать, кто нас охраняет», – и тут же увидела еле заметное шевеление в кустарнике, который густо разросся на границе между скалами и лесом. Заметивший её Лохмоть поднял руку, обозначив себя и успокаивая Юллин.

– Светлого дня! Тоже рано встаёшь?

Раздавшийся сзади шепот Минги, заставил эльму подпрыгнуть на месте: так неслышно девочка подобралась к ней.

– А ты всегда подкрадываешься к тем, с кем хочешь поздороваться? – сердито шепнула Юллин в ответ и невольно почесала голову.

– Могу показать, где можно умыться, – не обращая внимания на недовольство эльмы, сообщила Минга. – И вообще привести себя в порядок.

– А там можно искупаться?

– Можно. И постираться тоже. Погоди, сейчас свою поновку принесу. А у тебя переодеться есть во что?

Юллин кивнула и девочка, так же неслышно, как и подошла, стала пятиться к группе деревьев, стоящих к ним ближе всего. Эльма тут же поняла, в чём секрет её бесшумности. Минга была босиком, и древесник послушно раздавался под её небольшими ступнями. Эльма взяла это на заметку, но сейчас её больше волновало, как, не тревожа других, сообщить каральному об их с Мингой планах. Она выпрямилась во весь рост и посмотрела в сторону укрытия Лохмотя. Тот тут же снова приподнял руку, показывая, что он её видит. Немного подумав, эльма решила и знаками, принятыми в среде ратоборов, показала ему, что она отойдёт искупаться.

– «Интересно, поймёт?» – подумала она, но её сомнения тут же развеялись. Вольный Охотник моментально ответил на том же языке жестов. Юллин рассмеялась. Лохмоть сожалел, что не может пойти вместе с ней. Эльма шутливо погрозила ему кулаком и открыла свой природный тайник. Взяв оттуда мешок, она стала ждать. На этот раз, Минге не удалось застать её врасплох. Она подошла, держа в одной руке большой узел, а в другой свою обувь. Юллин тоже разулась и с удовольствием провела босой ногой по пушистому покрову. Хотя древесник немного щекотал пятку, ощущение было изумительно приятным. Жаль, но вскоре им с Мингой пришлось обуваться. В лесу на земле попадались колкие сухие веточки, тут и там были разбросаны оболочки семян иглицы, приятно пахнущего смолистого дерева, и наколоть ступню было делом несложным. Они прошли немного вглубь, а затем дочь Зубаря свернула к скалам. Лёгкий шум, состоящий из журчания и плеска воды, становился всё слышнее, и вскоре глазам Юллин открылась картина, от которой просто захватывало дух.

Видимо, где-то там, в верховьях, лесной ручей, ещё будучи полноправной речушкой, когда-то давно сумел пробить себе дорогу в скалах. И с той поры его русло делилось надвое. Первое спокойно текло, соединяясь с притокой, а вот второму пришлось трудней. Много лет

потребовалось для того, чтобы оно проложило себе подземный путь, до того места, где скалы становились выше. Забраться на высоту ручей не смог и буквально прорубил себе длинную узкую щель, из которой небольшим каскадом струи стекали в довольно глубокую каменную чашу, наполняя её почти до краёв. Скальная порода вокруг этого водоёма тоже претерпела изменения: поддаваясь бесконечному напору воды, валуны рассыпались со временем, превращаясь в каменный серовато-белый песок, небольшая полоса, которого окружала чашу. Лес тоже взял своё. Иглицы тянулись к близкой воде, постепенно приближаясь к скальному озерку, но смогли близко подобраться лишь с одного края, где и создали своими ветвями, подобие природного шатра.

– Великая Рыбина! – выдохнула Юллин. – Как же красиво!

– Понравилось? – Минга нетерпеливо ждала ответа, видимо, втайне надеясь на похвалу от суровой воительницы.

– Очень!!! Ты молодец! Откуда ты про это всё, – Юллин обвела рукой чашу, – знаешь?

– Это мы с Шичей нашли. И поляну и это, – она, подражая эльме, тоже повела рукой. – Вернее, нашла я, а потом Шича нашёл меня.

– То есть ты когда-то просто заблудилась в этих местах?

– Нет. – Девчушка серьёзно смотрела на Юллин. – Я искала дом.

– Какой дом? – не поняла эльма.

– Мамин. Она мне говорила, что её дом в лесу. И что там горы. Здесь тоже есть лес и горы, правда маленькие. А вот дома нет. Но я всё равно буду его искать...

– А чем тебя не устраивает дом Зубаря? – поинтересовалась Юллин, снимая с себя одежду. – Маме, я думаю, всё равно, где вы будете жить.

Минга молчала и эльма, которой лишь оставалось стащить рукава рубахи, повернула к ней голову. Девчушка, вероятно, не расслышала её последних слов, так как во все глаза смотрела на плечо Юллин, вернее на то, что там находилось.

Эльма выругалась про себя. Она совершенно упустила из вида, что ни Минга, ни Шича, в отличие от её остальных спутников, знать не знали про клеймо. И теперь она замерла, ожидая реакции девчушки на это, возможно горькое для обеих, открытие. Зубарь, будучи мразотой, наверняка готов был издеваться над любым, стоящим ниже него по положению. А кого можно было безнаказанно пнуть, обругать или ещё как-то унижить? Рабов, в первую очередь. И свою дочь он, скорее всего, воспитывал по своим мразотным правилам. Она уже была готова грубо ответить на любое замечание мародёрской дочки, когда Минга вдруг подошла к ней и, приподнявшись, погладила надпись.

– У мамы тоже было такое, – задумчиво произнесла она. – Там, правда, были немного другие закорючки. Она говорила, что это не больно для тела, но страшная рана для души.

– Она права, – угрюмо произнесла эльма. – Твоя мать умная женщина. А теперь такой надписи у неё уже нет?

– Теперь нет, – как-то грустно ответила Минга. – Я сама видела, как она исчезала.

– Это хорошо! – порадовалась за мать Минги эльма. – Она теперь свободна.

– Да, – с какой-то едва уловимой заминкой, неохотно ответила девчушка, и заметившая это Юллин, решила перевести разговор на другое, чтобы Минга окончательно не замкнулась в себе.

– Как спалось? Не замёрзла ночью? – эльма стащила сапоги и, отбросив в сторону тёмные свободные штаны, с наслаждением потянулась.

– Нет, – оживилась Минга, тоже скидывающая с себя одежду. – Сначала рядом спал Шича, а потом, когда он ушёл дозорить, пришёл грайся.

– Грайс, – машинально поправила Юллин. – Вот значит, где этот лохматый изменник провёл ночь. А я-то думала он охотиться.

–Он охотился! – тут же с жаром принялась защищать Гарлина Минга.– Он поймал ику и принёс его нам. Я утром видела.

Эльма кивнула. Кто такой ика, Юллин понятия не имела. Вполне возможно, что это могла быть местная разновидность гнуса, но грайс честно выполнил возложенные на него обязанности, доставив добычу хозяйке. Просто взгляды на вопросы пропитания у kota и эльмы кардинально отличались, но заставляя Гарлина ловить только то, что подходило бы и ей, эльма не могла, да и не хотела. Бывали времена, когда Юллин радовалась и той, несколько непривычной для неё снеди, которую грайс твёрдо считал деликатесом.

–А твоего ику можно есть?– всё же поинтересовалась она у Минги.

–У-у-у, – загнула девчушка и закатила глаза. – Ум отъешь, если правильно приготовить.

–Кто б сомневался, – вздохнула эльма и подошла к краю чаши. Светило уже начало припекать, и соблазн плюхнуться в освежающую влагу, стал непреодолимым. Она закрыла глаза, но её опередила Минга, с визгом промчавшаяся мимо и рухнувшая в чашу. Брызги обрушились на Юллин, и она, тоже завизжав, прыгнула в обжигающе холодную, ещё не согретую лучами светила воду. Вынырнув, она перевела дыхание и огляделась. Минга уже стояла под струями водопада, образованного, последней ступенью каскада.

–Плыви сюда, – замахала она рукой. – Быстрее!

Температура воды и не давала возможности медлить. В несколько взмахов, Юллин достигла места где, раскинув руки, стояла Минга и залезла на плоскую, немного наклонную поверхность камня.

–Как это? – оторопело спросила она девчушку, встав рядом с ней. Дело в том, что струи падающей воды, казались тёплыми, и хотелось долго нежиться под ними.

–Не знаю,– ответила Минга. Она протянула руку и взяла из выточенной когда-то водой, а теперь абсолютно сухой, укрытой от брызг небольшим каменным козырьком выемки помывок, а так же плетёную из водорослей жгучку для оттирания тела. – Давай мажься, а потом, если хочешь, я тебе спину потру.

Уговаривать Юллин было не надо. С наслаждением покрыв волосы тонким слоем белого ила, она оставила его пениться и занялась телом. Намазавшись спереди, эльма повернулась к Минге спиной и протянула ей покрытую илом жгучку.

–Сильнее,– попросила она, уперевшись руками в скалу.

Минга с усердием начала надраивать загорелую кожу своей спутницы, но вдруг остановилась. Эльма почувствовала, как тонкие пальцы скользнули по её шрамам.

–Не больно? – спросила дочка Зубаря и уточнила.– Когда тру...

–Нет, – качнула головой Юллин.– Эти рубцы, скорее уже на сердце, а не на теле, говоря твоими словами.

–Это не я...это мама, – пробормотала Минга и опять начала тереть спину эльмы.

–Хватит, – вскоре сказала Юллин. – Себя не жалеешь, меня пожалей! Дырки мне в коже сделать намерилась что ли?

Она рассмеялась и повернулась к тяжело дышавшей Минге. Девчонка старалась на совесть, и было понятно, что она скорее рухнула бы в чашу, чем сдалась.– Я окунаться, а ты давай, чистись. Только, чур, спина моя, надо же ответить любезностью на любезность!

Минга взглянула на неё и тоже улыбнулась. Она послушно взяла помывок и стала натирать свои довольно коротко постриженные тёмные волосы, а Юллин, внутренне собравшись, соскользнула с камня в чашу. Контраст между тёплыми струями и холодной водой был таким ободряющим, что усталость будто смыло вместе с тонкой корочкой ила. Отфыркиваясь, Юллин опять забралась на камень, где её уже ждала Минга, подставляя свою худенькую спину.

–Ну, держись! – для начала эльма легонько шлёпнула Мингу по заднице. Та вздрогнула и залиvisto засмеялась, запрокидывая голову. – Ну-ка! – деланно строго сказала Юллин. – Перестань хохотать! Вся спина трясётся, как же я её мыть буду?! И воды сейчас наглотаешься...

Последнее замечание запоздало. Водопадик всё же заметил новую цель и щедро плеснул дочке Зубаря в лицо. Подождав, пока она откашляется, Юллин стала наносить ил на Мингину спину, одновременно ведя с ней нравоучительный диалог.

–Что Грошик, что ты! Дети неразумные. Сначала делаете, а потом думаете!

–Сама виновата! – ответила Минга.– Не надо было шлёпать!

–Поговори мне ещё,– шутливо нахмурилась эльма и тут же замолчала. Так же как девчушка, она осторожно провела пальцем по белеющему под лопаткой Минги полукруглому шраму и нахмурилась. Развернув девчонку к себе лицом, она всмотрелась в её грудь. Там тоже был виден шрамик, подобный спинному.

–Такое ощущение, будто тебя нанизали на пику, – медленно произнесла Юллин.

–Это сайтар,– тут же пояснила Минга.– Он тут растёт неподалёку. Только ходить к нему, упаси небеса!

Юллин понимающе кивнула. Минге крупно повезло, что семенная игла сайтара не задела сердце. Этот колючий плотоядный темно-красный кустарник, таким образом распространялся по округе. Вырастив своё семя на конце острой иглы, сайтар терпеливо ждал, когда поблизости пройдёт что-то живое, после чего стрелял в ничего не подозревающую жертву. Выстрел мог убить на месте, правда чаще он только ранил и, испуганное животное убегало с торчащей иглой в боку или лапе. Игла скоро выпадала, ранка затягивалась, но самым страшным было то, что семечка сайтара оставалась внутри. Вскоре животное начинало задыхаться и умирало, давая пищу для нового побега кустарника. Размножался сайтар лишь раз в несколько лет и встречался очень редко. Это и спасало живность, делящую с кустарником территорию, от полного истребления.

–Я спрыгнула с дерева прямо перед ним, – уточнила Минга. Всё встало на свои места. Сайтар стрелял в упор, но девочка была худенькой и игла пробила её насквозь.

–А семя? – спохватилась эльма.

–Пролетело,– равнодушно махнула рукой Минга. – Так ты меня будешь чистить?

Юллин кивнула и, развернув девчонку, стала яростно тереть ей спину.

Вдоволь настоявшись под тёплыми струями и переплыв пару раз холодные воды чаши, Юллин с Мингой выбрались на берег.

–Долго мы, – спохватилась эльма.– Наши волноваться начнут. А я ещё постирать хотела...

–Давай, – Минга с наслаждением растянулась на каменном песке. – Никто волноваться не будет. Шича уже рассказал всем, куда мы пошли. А напасть тут на нас, если только зверь какой задумает.

–А люд?

–Так не бывает здесь никого, кроме нас. Про это место знаем я и Шича. Ещё Зубарь знал, да разве он теперь кому расскажет, – девочка села и судорожно вздохнула. Ее, наконец, проняло, и она заплакала, уткнувшись в плечо Юллин.

–Поплачь, поплачь,– тихо говорила эльма, глядя Мингу по влажным волосам. – По себе знаю, легче станет. « Но ненадолго, – тут же подумала она. – Когда-то и это пройдёт: будешь иногда лишь грустить, вспоминая. Если бы ты знала, как я тебе завидую. Каким бы не был Зубарь, но ты плачешь по нему. А я? Я даже не знаю своего отца. И никогда не заплачу, узнав, что он ушёл на небеса... Слишком много чести».

–Почему? – вдруг услышала она.

Невольно вздрогнув, Юллин отстранилась от девчонки и посмотрела на неё.

–Что, почему?

–Почему ты не заплачешь и почему много чести? – по лицу Минги ещё текли слезы, но её глаза серьёзно смотрели на эльму.

–Я, что, говорила вслух? И что ты услышала?

– Немного. Про твоего отца. Я думала, что ты говоришь со мной...

– Увы, моя взбалмошная подруга! – улыбнулась Юллин. – Я смотрю, тебе не так уж и много рассказывали о выродках. Это хорошо. И я восстанавливать этот пробел в твоих знаниях не собираюсь. Просто знай, что эти мои слова относились к прошлому. Моему прошлому, – с нажимом сказала она. – Понятно?

Минга торопливо закивала головой и вскочила на ноги. Постояв немного, она бултыхнулась в чашу и быстро смыла остатки песка с тела и остатки слёз со своего лица.

Юллин занялась стиркой. Эта процедура напоминала помывку, только вместо тела, ил наносился на бельё. Дав ему впитаться, Юллин тщательно прополоскала свою рубашку и штаны, развесила их на ветках и принялась за вещи Минги. Девчушка протянула было руку, чтобы отнять у Юллин своё бельишко, но потом передумала, и, уткнув подбородок в сомкнутые колени, стала следить за каждым движением эльмы. Справившись с постирушкой, Юллин выпрямилась и прямо с места прыгнула в воду. Она тут же вылезла на берег и, постояв немного с раскинутыми руками под палящим светилом, отошла к лежавшему под иглицей мешку. Покопавшись в нём, она недовольно нахмурилась и, взяв котомку за углы, перевернула и потрясла её. Минга во все глаза смотрела на то, что выпало оттуда на песок. Ее, несомненно, заинтересовали мешочки с небесником и браслетами, но она сдержалась, лишь взяв в руки перевязанные срезы.

– Ух, ты! – услышала Юллин, с огорчением рассматривающая качественно изорванную чистую сорочку. Эльма вспомнила, что началу разорения положила она сама, оторвав от рубашки кусок для факела на острове. А затем... затем Кун рвал её на полосы, когда перевязывал их раны на острове: причём эту мысль подала ему сама Юллин.

– Вот уж не везёт, – согласилась она с Мингой, но убрав сорочку от лица, увидела, что девчушка и не думала сожалеть вместе с ней о потерянной вещи. С жадным любопытством Минга разглядывала срезы, вернее два из них: портрет Ивии и рисунок с кораблём.

– Это Заводь! – авторитетно произнесла она и спросила Юллин. – Там твой дом?

– Пожалуй, да, – согласилась эльма.

– А это твоя мама?

Увидев утвердительный кивок Юллин, девочка вздохнула. – Красивая. Как и ты, ... Ты чего так смотришь?

Если бы Минга могла заглянуть в голову эльмы, она бы поразилась. Никому Юллин не была так благодарна, как ей сейчас. Минга задала всего два вопроса, но каких! Ещё седмицу назад Юллин свернула бы за них шею, подумав, что над ней просто издеваются. Действительно, откуда у выродка мать и дом? А теперь она ответила сразу, даже не задумываясь и при этом, абсолютно не кривя душой. Что-то новое, лучисто-тёплое разлилось внутри, и Юллин схватила девочку в охапку, плотно прижав к себе. Постояв так немного, она осторожно разжала руки и посмотрела на Мингу. Та ответила счастливым взглядом. Не совсем понимая порыв эльмы, девчушка почувствовала, что случилось что-то важное, радостное, но то, что причиной этого послужила она, Минга так и не догадалась.

– А кто рисовал? – спросила она. – Ты? Кун? Лохмоть? Неужели Грошик? Олбиран так не сумеет, он, ... ну не сумеет он, – подвела итог размышлениям Минга. – Мама твоя? – ахнула она, когда Юллин показала на портрет. – А меня она может так научить? Ты ведь нас познакомишь? Я люблю рисовать, только не на чем было.

Она задумалась, смешно сморщив нос и, неожиданно заговорила визгливым голосом с явно проскальзывающими злобными нотками: – Зубарь, ты посмотри, что твой ублюдок натворил. Не успела купить завесь на окна, а она уже всю её углём исчиркала. Руки ей пообрубать...

– Кто это? – спросила эльма, но вдали послышался лёгкий вопросительный свист.

– Наши идут, – хлопнула себя по щекам Минга. – Это Шича свистел, предупредил. А мы с тобой голые совсем!

Юллин кинулась к развешанным вещам, но поняла, что одевать их придётся сырыми.

– Держи, – Минга стояла сзади и протягивала Юллин свёрток. – Как чувствовала, что пригодиться!

Юллин торопливо развернула узел. Кроме чистенькой рубашки и добротных штанишек для Минги, там были ещё одни штаны. Встряхнув их перед собой Юллин изумлённо присвистнула. Рыбья кожа, из которой они были сшиты, явно выделялась не для рядового покупателя на торговнице. Прочные и вместе с тем лёгкие с кажущейся небрежной золотистой вышивкой у пояса, они стоили немалого количества толлей.

– Чего застыла? – прикрикнула на неё Минга. – Одевай скорей, они вот-вот здесь будут!

Юллин быстро напялила штаны и схватила рубаху. Она тоже оказалась штучным товаром. Особенно её разъярили кружева, оторачивающие ворот и концы рукавов. Недолго думая она оторвала их и быстро влезла в сорочку. – Ну и ну! – ошеломлённо сказала эльма, глядя на уже одетую Мингу. Глазомер у девчушки был, что надо. Вряд ли она могла разглядеть эльму подробно вчера вечером. Значит, пары беглых взглядов поутру хватило ей, чтобы подобрать для Юллин одежду абсолютно по размеру. «Хм, подобрать. У неё тут лавка что ли?» – думала Юллин, лихорадочно заправляя сорочку в штаны и подвязывая свой походный ремень. Она ещё успела обратить внимание, что ворот у рубахи был сделан очень искусно: неглубокий вырез позволял обходиться без завязок, но был и достаточно свободным.

Они успели. Вышедший первым к чаше Шича, опять свистнул, на этот раз радостно и вместе с тем восхищённо. За ним появились Лохмоть с Куном, несшие на плечах палку, на которой покачивалось тело крупной ящерицы. «Ика, – догадалась Юллин. – Хвала небесам, выглядит не очень отталкивающе». Они положили свою ношу на землю и огляделись.

– Бесподобно! – восхитился знахарь. Лохмоть согласно кивнул и повернулся к подходившим огру и Грошику. – Ну что, други, тоже искупнёмся? А наши дамы, – он изящно поклонился эльме и Минге, – пока займутся приготовлением пищи. Поскольку с меня от голода уже сваливаются штаны, и я опасаюсь очутиться перед девочками в неприглядном виде.

– Вот балабол, – улыбнулась Юллин. – Уж расстараяемся, раз такая беда нам грозит. Минга, где тут можно костерок развести?

Вскоре все занимались своим делом. Отойдя немного в сторону, эльма и Минга стали разделять тушку ики. Вернее разделяла последняя, а Юллин только помогала. Оказывается готовка ики, была и правда непростым делом. В первую очередь Минга осторожно отделила плоский хвост. Затем тихонько поддела кончиком длинного ножа плёнку, которая покрывала его. После этого она покопалась в сумке Шичи и достала нечто похожее на длинный костяной крючок. Прodeв им плёнку, Минга потянула и та послушно сползла с хвоста, словно штанина с ноги.

– Вырой ямку, – попросила она эльму. – Только подальше от костра и поглубже.

– Яд? – спросила Юллин, указав на крючок с висевшей на нём плёнкой.

– Угу, – кивнула головой девчушка, не сводя с крючка взгляда. – Руку можно до кости обжечь, если коснуться. Хотя можно и посушить, а когда сохнет, потолочь в ступке и припарку сделать.

– Как раз-таки от ожогов! – сказал подошедший Кун. Он уже ополоснулся и переделся в длинную рубашку, свисавшую ниже колен и чистые штаны. – И, если есть такая возможность, я бы просил так и поступить. Редкий ингредиент, понимаете ли... А ты действительно многое знаешь! – сказал он Минге, смотревшей на него круглыми от удивления глазами.

– Знает она, как же, – усмехнулась эльма, – Сайтар её чуть на небеса не отправил... со всеми её знаниями.

– Сайтар? – заинтересованно спросил знахарь. – Где он? Далеко?

Минга махнула рукой в сторону леса. Кун тут же подхватился, и направился было в ту сторону, но был остановлен жёстким окриком эльмы:

–А ну, стоять! Не посмотрю, что ты маг! Так дам по башке, что всё чародейство вылетит! А если всё же снастырничаешь и тайком от всех сунешься туда, я на том месте, где тебя сайтар уложит, поставлю столб. И напишу на нём, что здесь погиб самый большой олух, которого я только знала! На вот лучше свой ингр..., в общем, дрянь эту и делай с ней, что тебе надо! А потом осмотри девочку, может, внутри у неё сайтар дел наворотил...

Знахарь потоптался на месте, но потом взял из руки Юллин крючок с плёнкой и, подойдя к высокому камню с плоской вершиной, осторожно растянул её на тёплой поверхности, придавив по краям камешками. Удостоверившись, что всё в порядке, он сходил к чаше, тщательно вымыл руки и вернулся. Увидев его, Минга стала послушно задирает рубашку. – Так... так, – знахарь осторожно ощупывал шрамы на её худеньком теле. – Рука не болит? Ну-ка пошевели ей. Вот так, вверх, вниз... Угу. А дышишь свободно? Кашель внезапно не нападает? Он прислонил ухо к груди девочки. – Дыши. Глубоко.... Теперь часто.... Не дыши.... Угу...

Он выпрямился и с улыбкой посмотрел на Мингу.

–Всё в порядке! Нечасто я встречал такие... м-м-м... удачные ранения. Ни один важный орган не задет! А давно тебя ранило?

–Уж три года прошло. Почти.

–А кто лечил?

–Шича и... мама.

–Вот как? – удивился Кун.– Она у тебя знахарка?

Минга сделала вид, что не расслышала вопроса. Она уселась на корточки перед икой, давая понять Куну, что говорить на эту тему она не желает. Маг недоуменно посмотрел на Юллин, которая озабоченно нахмурилась. Что-то здесь было не так. Минга упоминала о своей матери неохотно, как-то вскользь, будто ей были неприятны эти разговоры. Может она стеснялась того, что мать когда-то была рабыней? Так что с того? Её же освободили, а значит, мать Минги вела вольную жизнь. Хотя в той грязи, в которой росла девочка наверняка кто-нибудь, нет-нет, да и колот Мингу прошлым её матери. И скорее всего при полном попустительстве Зубаря, если тот сам не был зачинщиком таких нападков. Тогда понятно, почему Минга не очень-то расстроилась, узнав о его гибели.

–Скажи, Минга, – осторожно начала Юллин. – А твоя мама разве не волнуется, что ты не дома?

Девочка, успевшая распороть брюхо ики и теперь сосредоточенно вычищавшая остатки внутренностей из ящерицы, только помотала головой, но потом, отложив нож, ответила эльме: – Зачем она будет волноваться, если я рядом?

–Твоя мама где-то неподалёку? – удивилась Юллин. – И давно?

–Когда мы пришли, она уже была здесь, – произнесла девочка.

–Это невозможно, – шепнула Юллин знахарю.– Гарлин сразу бы почуял постороннего.

–Грайся? – Минга расслышала её слова.– Грайся её видел. Мы утром ходили к ней.

–Не грайся, а грайс. И вообще его зовут Гарлин.

–Ну да, грайся Гарлин, – простодушно сказала девчушка, но эльма успела заметить лукавый взгляд, искоса брошенный Мингой на неё.

–Ну, хорошо, грайся так грайся, – махнула рукой Юллин. – По крайней мере, звучит лучше, чем кошак.

–Фу, как некрасиво, – сморщила нос Минга.– Это его кто-то нехороший так назвал.

–Да нет, девочка! Вот здесь ты жестоко ошиблась! – Юллин показалось, что она начала понимать игру Минги.– Тот, кто так называл грайса, был Гарлину настоящим другом ... и погиб, спасая его! Ты ошиблась, так же как и в случае с твоей мамой. Тебе, наверное, очень не хочется домой, вот ты и придумываешь....

Минга вскочила и бросилась в сторону чаши. Кун шагнул было за ней, но Юллин удержала его.

–Сейчас поплачется Шиче, успокоится, а после завтрака отправим их домой. У нас и кроме них дел невпроворот. Если Лохмоть прав...

Она запнулась, увидев возвращавшуюся Мингу. Девочка тоже отмыла руки и, подойдя к Юллин, протянула ей ладонь.

–Пойдём. Я познакомлю вас с мамой. Ты ей понравишься.

–А можно Кун тоже пойдёт с нами?– спросила эльма, увидев, каким напряжённым стало лицо знахаря. – Только нам сначала надо перекинуться парой слов.

Она приблизилась к знахарю и вопросительно подняла брови. Взяв её под руку, маг отвёл эльму подальше от костра.

–Не хочу, чтобы она слышала, – тихо сказал он. – По-моему гибель Зубаря потрясла Мингу гораздо больше, чем мы думаем. Вот она и спряталась от всех в свой выдуманный мир. Ей так спокойнее...

–Хочешь сказать, что она больна?

–Нет. Пока нет. Но если она проведёт в этом своём мире достаточно долгое время, может уже и не вернуться к настоящей жизни. Так, что я думаю, надо мне пойти с вами. Прости, меня, Юллин, но порой ты говоришь, как кладнем своим рубишь. А с Мингой сейчас бережно надо.

–Хорошо, – кивнула Юллин и окликнула Мингу.– Ну что, пойдём?

Девочка тут же уцепилась за её руку. Они неспешно пошли в сторону леса. Кун шёл за ними, временами оглядываясь назад.

–Не переживай, – сказала Минга, заметив его постоянные оглядывания.– Я Шиче сказала, куда мы идём. И Лохмоть тоже слышал.

Зайдя под покров леса, Минга свернула на еле заметную тропинку. – Тут кроме меня никто не ходит, – огорчённо сообщила она.– Разве только Шича иногда. Он меня одну боится к маме отпускать, когда темнеет уже.

–Ты хочешь сказать, что Шича уже встречался с твоей мамой? И как я понимаю, задолго до нас? – эльма недоумевающе оглянулась на Куна, который ответил ей таким же, ничего не понимающим взглядом.

–Ха! – улыбнулась Минга.– Он же её ещё раньше знал. Даже когда у неё меня не было. Правда, это ещё там, в слободке.

–Ничего не понимаю! – пробормотала Юллин, но тут ей в голову пришла, как ей показалось, верная мысль – Ты случайно не считаешь себя Дочерью Леса? – спросила она Мингу.

–Кто?! Я?!– Минга расхохоталась во всё горло. – Ты что, глупая совсем? Разве ж я на эльфийку похожа? – сквозь смех проговорила она. – Разве я смотрю на тебя вот так? – она задрала свою мордашку вверх и попыталась придать своему лицу брезгливо-высокомерное выражение. Мина на её лице получилась такой смешной, что Юллин тоже не выдержала и рассмеялась.

–Вот что, Минга, – раздался сзади голос Куна.– Может, ты объяснишь нам...

–Так мы уже почти пришли, – перебила его девчушка.– Чувствуете, какой запах? Это мама нас встречает...

Действительно уже некоторое время Юллин ощущала приятный бархатистый аромат. «Самея», – тут же определила она и не ошиблась, увидев место, куда привела их Минга. Небольшая полянка в лесу была вся усыпана цветущими кустиками. И если во дворе Тредомья самея цвела маленькими, какими-то ущербными соцветиями, то здесь в родной для себя стихии, она благоухала огромными, сине-белыми цветами, с красной оторочкой по краям лепестков. Несколько сотовиков не обращая внимания на пришедших, гудели между кустами, зависая в воздухе на своих крошечных крыльях и, время от времени забираясь в одну из подставленных светилу чашечек.

–Вот! – Минга обвела рукой полянку. – Здесь я развеяла мамин прах, и теперь она тут живёт. Правда, у неё красиво?

Эльма была готова к чему угодно, но то, что она услышала, оказалось выше её сил. Упав перед Мингой на колени, она обхватила её руками и прижала к себе.

– Ты чего? – прошептала девчужка, а Юллин сама того не замечая, как заведённая твердила сквозь слёзы: – Прости меня! Если сможешь, прости!!!

Шича с остальными пришёл, когда первое потрясение у Юллин уже прошло. Молча встав сзади, они, уже посвящённые Шичей, смотрели как Минга напевая, ходит между цветами сажеек. Странно, но сотовики не жалили её, наоборот, когда она трогала ту или другую чашечку, просто отлетали в сторону, ожидая пока дочь той, кто была и этими цветами и этой травой, перейдёт к соседнему кусту. Юллин стояла вместе со всеми и говорила сквозь зубы, еле сдерживая себя: – Она ж мне всё время давала понять. Она ж про мать говорила так, как говорят о тех, кто в прошлом остался. И про клеймо. «Я видела, как оно сходило...» От огня оно сходило! На погребальном костре! Великая Рыбина, какая же я дура!!! Ещё и во вранье её обвинила...

– Так ты ж не знала ничего – удивлялся Шича. – Чего ж теперь убиваться-то? Минга же на вас не сердиться...

– А ты вообще заткнись! – вдруг рявкнул огр. – Раньше надо было пасть открывать. Глядишь, и не было бы этого. Как хоть её звали?

– Рини. Она из племени алтево была, что у подножья громадских гор живёт... Да когда было рассказывать-то? – как мог, защищался Шича. – То вы нас на острове мутузите, то в укромном месте вас спрятать надо и быстро, причём: разве ж здесь поговоришь? Да ну вас, пойду еду готовить.

Раздвинув плечами стоящих, он быстро ушёл по тропинке и поэтому не увидел, как Минга, наконец – то заметила, что у края поляны собрались её спутники.

– Ой! – она всплеснула руками. – Смотри мама, все мои друзья пришли.

Девчужка торопливо подбежала к краю полянки и стала по очереди перечислять их:

– Это, мама, Лохмоть. Зубарь просил его обо мне заботиться. Он добрый, мама.

– Это Олбиран. Знаешь, мама, какой сильный?! Защитник.

– А это Кун. Он убил чудовище, которое слопало Зубаря. А ещё он знахарь. Он мудрый.

– Вот ещё Грошик. Он смешной и немного настырный. Но он всегда подаст руку, если упадёшь. Он помощник.

А теперь, Юллин, мама. Она строгая и честная. И ещё ласковая. Она – как старшая сестра, мама.

Спутники смущённо переглядывались, слушая восхваления в свою честь.

– Как-то однобоко, тебе не кажется? – шепнул Куну Охотник. – Я добрый, ты – мудрый...

– Она называет то, что видит в каждом из нас, – шепнул в ответ Кун. – Знаешь, она ведь права. У каждого из нас всё это есть. Но что-то в каждом развито гораздо больше чем остальное. Ты же не будешь отрицать, что огр среди нас самый сильный? Или, что тяга Юллин к справедливости, порой мешает ей жить?

– Так, что, я получается добрее всех? – изумился Лохмоть. – Я?! Бывший доверенный самой большой сволочи в Заводи?!!

– Она зрит в корень. Доверенный ты бывший, а вот Охотник – настоящий. Скажи, ты мог сам, лично, приговорить Рыжеблуда?

– Само собой, – пожал плечами Лохмоть.

– А Крючка? А Шкипера? Того же Детинушку, храни его небеса? Они ведь тоже в твоих глазах бандиты и тоже заслужили кару. Так как, смог бы?

– Ну, это вряд ли, – немного помявшись, ответил Лохмоть. – Сдал бы властям, а кое-кого, Детинушку, к примеру, вообще бы отпустил...

– Во-от! – Кун даже хотел, по привычке, поднять палец, но вовремя спохватился. – Она это сразу заприметила. Ещё на острове. Так и сказала: «Лохмоть сильный и добрый!»

–Так уж и сказала? – недоверчиво покосился на него Лохмоть.

–Там ещё Юллин была, – невозмутимо ответил знахарь. – Хочешь спросить у неё?

Лохмоть помотал головой и посмотрел вперёд. Минга опять гуляла по полянке. На этот раз с ней ходил Грошик. С небольшим сомнением он выслушал Мингу, которая ему что-то втолковывала и всё же согласившись, протянул вперёд слегка дрожащую руку. Некоторое время ничего не происходило, и раздосадованный Грошик хотел уже её убрать, когда один из сотовиков, загудев, опустил прямо на его ладонь. Немного поползав, он замер, прибирая задними лапками крылья, а затем поднялся и закружился над головами детишек.

–Видели? – счастливая Минга подбежала к своим новоявленным друзьям. – Видели, как мама поздоровалась с Грошиком?

–Может, мы пойдём? – осторожно спросила её эльма. – Надо Шиче помочь.

–Сейчас, – кивнула головой девчушка. – До свиданья, мама! Ты не волнуйся за меня. Вон сколько у меня друзей! И ещё грайся. А где грайся? – спохватилась она и требовательно посмотрела на Юллин.

Грайся был тут. Шипя, он спрыгнул с дерева, прямо перед эльмой. Его шерсть стояла дыбом, он припадал к земле и сразу напомнил Грошику тот страшный бой с огром во дворе «Сивоусого Сома».

– Тихо! – тут же крикнула эльма и схватила рукоять кинжала. Свой кладень она оставила у костра. Где-то у чаши лежал и шестопёр Олбирана. Лишь Лохмоть прихватил свой боевой топорик, да у Куна в руке мелькнула острина.

Минга и Грошик подбежали к взрослым и тоже замерли, как и те. Эльма настороженно вслушивалась в окружающую тишину, нарушаемую лишь гудением сотовиков. Так прошло некоторое время и Лохмоть, посмотрев на настороженного грайса, шёпотом спросил его: – Слушай, дружок. А ты не ошибся, часом?

Грайс посмотрел на него и страшно зарычал. Звук рычания становился всё мощнее и внезапно умолк. Неожиданно, не так далеко, раздался ответный рык, начинавшийся глухим хрипом и заканчивающийся высокой яростной нотой. Через мгновение уже несколько ближе раздался голос второй твари.

–Харайшины! – взвизгнула Минга. – Бежим!

–К чаще! – тут же скомандовала эльма. Другого выхода не было: они, как последние раздолбаи, бросили своё имущество у костра. Там же валялся лук, пожалуй, самое действенное оружие против разъярённых зверюг, каждая из которых могла сильно потрепать даже огра.

Они неслись по тропинке и увидели бежавшего навстречу им Шичу.

–Зубарева братва! – тяжело дыша, проговорил он. – С харайшинами! Со стороны поляны подошли...

–Как я понимаю, тебя они не видели? – эльма настороженно смотрела на Шичу.

–Нет, только толку мало. Там ика выпотрошенный и мешки наши...

–Ты бы хоть лук прихватил, – с сожалением проговорила эльма. – Или кладень мой, на худой конец...

– Так торопился я. Вас упредить, – виновато развёл руками Шича.

–Когда надо, ты медлишь, а как не надо... – сплюнул огр. – Ладно, что делать будем?

Юллин переглянулась с Лохмотем, но не успела ничего сказать. Послышался громкий голос, сразу же напомнивший эльме мародёра, торговавшего с ней на острове.

–Эй, вы! Давайте по-хорошему! Вылазьте из леса, поговорим!

–А если нет? – прокричала в ответ эльма.

–Тогда харайшин спустим. От них только на деревьях схорониться можно, да только не успеете вы туда забраться. Ну а тех, кто всё же успеет, мы из луков расстреляем! Выходите! С вами старик и дети, не бросите же вы их на съедение! И котёнка своего подальше держите! Если увидим – смерть и ему и вам!

– Придётся выходить, – немного подумав, сказала Юллин. – Настрой у них серьёзный и от своего они не отступятся. С харайшинами, положим, мы справимся, но пока этих зверюг уложим, Зубаревы дружки из нас того ику сделают, что у костра лежит. Нет, как же они нас нашли-то?

– Выйдем, узнаем, – мрачно произнёс Лохмоть. – Ну, что, пошли?

– Шича, ты впереди пойдёшь, – скомандовала Юллин. – За тобой я и Олбиран. Потом Лохмоть. Кун с детишками замыкают. Гарлин, ты...

– Нет! – неожиданно перебил её огр. – С ребяtnей я пойду. У колдуна даже палки его с собой нет, а этой зубочисткой, – он презрительно указал на острину, – харайшина только рассмешить можно.

– А ты вообще пустой! – огрызнулся Кун. – Или ты голыми руками эту зверюгу удавишь?

Олбиран лишь усмехнулся и эльма, вспомнив шрамы на его теле, отчётливо поняла, что удавит. И, скорее всего, он уже делал что-то подобное.

– Хорошо, – сказала она. – Кун, пойдёшь следом за Шичей. И не смей спорить! – увидев, как знахарь открыл рот, чтобы возразить, – прикрикнула Юллин. Она смотрела на мага до тех пор, пока он не кивнул в знак согласия.

– Мы выходим, – крикнула она и, повернувшись ко всем, неожиданно подмигнула. – Есть у меня мыслишка одна... Гарлин, иди-ка сюда.

Она что-то шептала грайсу на ухо, не замечая, как удивлённо вытягивается лицо у Шичи и какими большими глазами смотрит на них с Гарлином Минга. Ей было всё равно. Кучка мразоты решила переиграть эльму посреди леса, совершенно упустив из вида, *кто* является предками выродка по материнской линии. А таких ошибок, Юллин не прощала.

– Ножички свои сразу в сторону бросайте, – крикнул, тот же мразота, едва увидев появившегося Шичу. – Вам они ни к чему, а нам спокойнее!

Мародёры расположились полукругом. « – Всего двенадцать? – изумлённо подняла брови эльма, мгновенно оценив и количество мразоты и их расстановку по местам. – Неужели так надеются на харайшин? Или на поляне ещё кто-то остался? А зачем? Там ничего нет, а значит и мы все здесь. А харайшины-то побольше тех, что у нас в войсках были».

Двух огромных свирепого вида зверюг держал на коротких прочных поводках коренастый разбойник, которого раньше Юллин не видела. Громадные твари, достающие в холке ему до пояса, налитыми кровью глазами смотрели на потенциальную добычу и шумно нюхали воздух. Время от времени, то один, то второй зловеще рыча, вытягивали морду в сторону вышедших из леса. « – Значит, приказа рвать им не давали. Это хорошо! Но ещё лучше, что хозяин у вас, зверюшки мои страхолюдные, один на двоих! Какой же дурак вас в погоню-то снаряжал? Или у вас от жадности разум поотшибало? Ага! У вас у всех оружие в руках. Значит, местный колдунишка не попёрся с вами... Интересно, он умный, трус или у вас его и не было никогда? А может наоборот? Может он и есть ваш поводырь... Так, похоже, говорить собираются. Ну, послушаем, что вы на этот раз для нас уготовили».

Всё это промелькнуло в голове эльмы за считанные мгновения. Чуть побольше, ей понадобилось для того, чтобы вроде ломая от неизвестности и отчаяния пальцы, жестами сообщить Лохмотю о своих наблюдениях. Увидев на его лице мимолётную улыбку, она успокоилась и приготовилась слушать.

К её удивлению, первым заговорил Шича.

– Как вы нашли это место, Дзак? Только не говори, что вы пришли с верховьев ручья. Оттуда есть тропа, но идти по ней сюда не один день...

– Ты всегда был дураком, Шича. Неужели ты думаешь, что ни у кого из нас никогда не возникало вопроса: куда это Зубарь прячет свою долю? Валваль не раз жаловалась, что он слишком мало ей приносит. Даже меньше, чем мы. А уж нам-то было хорошо известно, сколько хапал себе Зубарь. И тогда Выпя проследил за вами. До той самой скалы, по которой вы под-

нимали добычу. Ну и рассказал Валваль, ... – Дзак глубоко вздохнул и даже с какой-то грустью продолжил: – Ты хоть знаешь, что Зубарь и так не должен был вернуться из последнего похода на остров? Всё уже было сговорено, но тут вмешались эти... воришки. Они, конечно, сделали за нас часть грязной работы, но и знатно прошерстили наши ряды. Да ещё и на Зовущий теперь соваться боязно. Так что у них перед нами должок. Так же как и у тебя! Зубарь-то сдох, так что все его затайки, Валваль переходят, по закону! Значит условия такие...

– У него и дочь есть, если кто забыл? – иронично сказал Лохмоть. – Или её по боку?

Дзак усмехнулся: – Минга – дочь рабыни! Пока был жив Зубарь, она была его дитём, а теперь она такое же имущество, как и всё, что принадлежало покойному. Она тоже переходит под руку Валваль и уж та сама решит, что с ней делать. Законным представителем Валваль выступает её брат, Кемач, – он указал на хозяина харайшин. – Он и отведёт Мингу новой владелице. И, кроме того, нам нужен выродок. Остальные могут убираться восвояси, оставив вещи и оружие. Преследовать не будем, даю слово!

Эльма всё же не выдержала. Её смех раздался над чашей и заставил мародёров переглянуться. Даже стоящий рядом Кун встревоженно посмотрел на неё.

– Сейчас! – согнувшаяся от хохота Юллин, упёрлась одной рукой в колено, а вторую, с поднятой ладонью вытянула в сторону Дзак. Отдышавшись, она выпрямилась, вытирая выступившие слёзы, и посмотрела на мразоту.

– Скоро заплачешь! – зловеще пообещал Дзак. – Или ты умом от страха тронулась?

Новый взрыв хохота потряс лес. Эльма даже присела на корточки, маша рукой в сторону Дзак.

– Что с тобой? – Кун встревоженно шагнул к эльме.

– Всё в порядке, – уже успокоившись, сказала Юллин. – Дай-ка руку.

Сжав ладонь знахаря, она легко вскочила на ноги и, посмотрев вокруг, снова улыбнулась. – Не понимаете? Никто? Да всё же на поверхности! Кто, говоря с нами, постоянно ссылается на закон? Судья? Дознатчик?! Может быть, страж?! Нет, обыкновенная мразота, которая погрязла в грабежах и подкупах! Это разве не смешно?! Дзак говорит, что я помешалась. Да нет, гнусь, в этих краях всего двенадцать дураков, которых кто-то надоумил пуститься вдогон за теми, кто уже раз надрал вам задницу! Крепко надрал! Этот умник ваша Валваль? Или кто-то ещё?.. Из вас же никто не вернётся! Никто, понимаете! Один раз я давала вам слово и сдержала его! Сдержу и теперь!

Она кивнула, как бы обозначив окончание своей тирады, но во время этого кивка сумела быстро прошептать: – Лохмоть – Кемач твой!

Но тут вмешался Кун. Он неожиданно шагнул в сторону мародёров и заговорил:

– Не слушайте её! Не слушайте! Она действительно не в себе! Я ж знахарь и могу определить такое! И ещё я боюсь, что эта помешанная приведёт нас к гибели!

Кун произносил всё это каким-то противным визгливым голосом, постепенно повышая интонацию: – Мне плевать на остальных, а я согласен! Я стар и сыт по горло этой беготнёй! Забирайте всё, о чём говорили и позвольте нам вернуться домой! Спасите нас от неё!

Говоря всё это, Кун быстрым шагом, постоянно оглядываясь, пересёк разделяющее эльму и Дзак пространство и схватил того за руку. Он умоляюще заглядывал мразоте в глаза и Дзак расслабился. Его толстые губы начали расползаться в кривой ухмылке, и он даже придержал, оступившегося было знахаря. Тот невольно схватился за ворот его стёганки и неожиданно крепко прижал мародёра к себе.

Звук вырываемого из ножен кинжала застал всех врасплох. Кун ловко поддел кончиком вытасченного у мародёра оружия, расстеленную на камне плёнку, швырнул её в лицо брату Валваль и тут же полоснул Дзак по открытой шее. Ближайший харайшин бросился к нему, но знахарь швырнул навстречу твари обмякшее тело мразоты и кинулся прочь. Харайшин рванулся за ним, но ему сильно мешал натянувшийся поводок. Его хозяин, хрипя, тянул руки к

лицу, пытаясь содрать яд ики, причинявший ему невыносимую боль и не давал зверю свободу манёвра. Второй харайшин метнулся в сторону эльмы и сдерживающий его кожаный шнур не выдержал, лопнув почти возле петли, одетой на руку Кемача. Но ещё за несколько мгновений до этого Юллин побежала.

Она бежала в лес, туда, куда указала Минга, говоря о сайтаре. Стволы мелькали перед глазами, гибкие кусты хлестали её по лицу, но она, не сворачивая неслась, слыша за спиной хрипкое, звучное дыхание харайшина. Но эльма не думала о нём. В её голове сначала негромко, но всё нарастая и нарастая звучали слова, подсказанные кем-то из далёкого прошлого. И ещё одно немного перевешивало чашу весов в её пользу. Она была небольшой, хоть и непризнанной частью того, что её окружало. А дитя пустыни, харайшин, был абсолютно чужим, инородным для этого леса.

Зверь почти настиг эльму, когда она увидела тёмно-красный всполох между тёмными стволами. Сайтар был на месте и, судя по тому, как задрожали его ветви, он был готов к размножению, он ждал свою жертву, приговорённую подарить жизнь его потомку. Как во сне Юллин видела выдвигающуюся рывками острую длинную иглу, нацеленную в её сторону. Она ещё успела заметить торчащий над сайтаром голый сук, с которого и прыгнула когда-то Минга и тут же закричала, сбивая при этом дыхание, буквально отдавая себя на милость того, к кому она обращалась – к окружавшему её лесу:– Я – дочь своей матери! Я – часть тебя! А сзади смерть! Сме-е-ерть!!!

Из последних сил Юллин подпрыгнула и уцепилась за сук, сильно поджав ноги. В то же мгновение тяжёлое тело харайшина ударилось в ствол. Дерево содрогнулось, и эльма полетела на землю, не удержавшись на гладкой древесине. Она не успела сгруппироваться, и от сильного удара спиной о торчавший корень у неё перехватило дыхание. В глазах Юллин потемнело, и она потеряла сознание.

Открыв глаза, она тут же с криком откатилась в сторону и села, поджав ноги. Оскаленная пасть харайшина была буквально в двух шагах, но уже никому не угрожала. Сайтар не промахнулся. Игла вошла в основание верхней челюсти и, пробив его, пронзила злобный мозг зверюги. Харайшин подох сразу, даже не успев заскулить перед смертью. Юллин тяжело приподнялась. Сильно болела ушибленная при падении спина, руки и лицо саднило от порезов и царапин, полученных при сумасшедшей гонке. Но, несмотря на это, Юллин повернулась к кустарнику и, преодолевая боль, низко поклонилась ему, после чего, подняв голову к верхушкам деревьев тихо сказала: « Спасибо!» Нужно было торопиться, спешить назад, где её товарищи бились сейчас с мразотой. Уходя, она всё же обернулась. Харайшин тёмным холмиком возвышался перед сайтаром. Видимо, он был первым, кого тёмно-красный стрелок уложил на месте. Вернее, первой должна была быть Минга, но она выжила и вот теперь, спустя годы, эльма смертью заплатила стрелку за спасение девочки, смертью, которую сайтар превратит в новую жизнь.

Возвращаясь назад, она услышала встревоженные голоса. Юллин хотела уйти с тропы, на всякий случай, но тут, буквально ей на плечи рухнул Гарлин. Закрутившись вокруг ног, он урчал, подняв умную морду и эльма отчётливо поняла, что бой у чаши закончен. Присев на корточки, и опять поморщившись от боли, она ласково трепала грайса за уши и гладила его.

–Справился, справился,...вижу! – она положила руку Гарлину на загривок. – Так! А это что?

В жёстком покрое грайсовой шерсти, она увидела небольшую проплешину.

–Достал он тебя! Как же так, Гарлин?– она шутиливо нахмурила брови.– А-я-яй! Разленился ты у меня, раздобрел на Касамовых харчах! Будем исправляться! Спокойной жизни ещё долго не будет!

Кот прекрасно понимал, что всё это говорилось по-доброму, что хозяйка страшно рада видеть его живым и здоровым, поэтому он продолжал урчать, положив ей голову на колени и заглядывая Юллин в глаза.

– Вот они! – раздался громкий девчачий голос. Минга немного запыхалась, пока бежала по тропинке, но тут же кинулась к эльме и обхватила её руками. Не удержавшись, Юллин уселась на пятую точку и охнула. Спина отозвалась на это движение резкой болью.

– Ты ранена? – подоспевший Охотник тут же встал возле эльмы на колени, и принялся осматривать, осторожно поднимая её руки.

– Ещё один лекарь на мою голову! – засмеялась эльма. – Или ты только обо мне такую заботу проявляешь?! А то всё по частям рассматриваешь, и вдруг – такая возможность!

– Да ну тебя! – Лохмоть вскочил на ноги. – Возишься тут с ней, а она...

– Не обижайся! Это я от радости языком что ни попадаю мелю. Поможешь встать? – эльма протянула руки Лохмотю. Тот, ещё немного посопев, взял её ладони и рывком поднял эльму с земли. Юллин опять охнула и невольно схватилась за спину.

– Всё же ранена?! – всё недовольство Лохмотя как ветром сдуло и на его лице отразилось неподдельное беспокойство.

– Спину ушибла, когда с дерева летела, – морщась, пояснила Юллин.

– А харайшин? – вмешалась Минга, схватив эльму за руку и заглядывая ей в лицо.

– Кормит Великую Рыбину! – жёстко усмехнулась эльма. – И сайтар пока больше не опасен.

– Он его ... – догадалась девчушка. – Ух ты! Как ты так сумела?

– Потом, – Юллин хотела махнуть рукой, но обнаружила, что за левую её держит Минга, а правую так и не отпустил Лохмоть. – Кхм, – несколько смущённо кашлянула эльма и осторожно освободилась. – Двигаться давайте, – словно не замечая общей неловкости, произнесла она. – А то, сейчас сюда все прибегут...

Она сделала несколько шагов и обернулась. Двое так и стояли, смотря ей вслед. Взгляды были разными: требовательно – удивлённый Минги, внезапно вспыхнувший некой догадкой и полный печальной задумчивости Лохмотя, поспешно опустившего глаза.

– Вы чего? – недоуменно спросила Юллин.

– Ничего! – ответила Минга, а Охотник промолчал, словно не слыша вопроса.

– Ну так идёте! – уже нетерпеливо сказала эльма. – Чего встали-то как два дерева на дороге?

Минга посмотрела на Лохмотя, потом на Юллин и пошла следом за эльмой. Вскоре Минга обогнала её и остановилась. Она что-то хотела спросить, но в последний момент передумала, и ещё раз посмотрев на Юллин, побежала следом за грайсом, давно уже исчезнувшим за поворотом. Эльма покачала головой. Этот взгляд Минги она уже прекрасно знала. В голове у девчонки созрела некая идея, и несносное дитя скорее удавится, чем откажется от своей задумки.

Выйдя на опушку, Юллин остановилась и грустно посмотрела по сторонам. От утренней идиллии не осталось и следа. Между камнями тут и там чернели тела убитых, песок возле водоёма пропитался кровью, а в самой чаше плавала туша мёртвого харайшина. Утро словно сменило свою свежую, прозрачную, даже в чём-то легкомысленную сорочку на тяжёлое и смрадное одеяние, спрятав под ним этот безмятежный уголок. Водопадик уже не звенел, весело и задорно расплёскивая свои струи, он глухо рыдал, стремясь изгнать из ранее прозрачных вод чаши мутно-красные пятна, взбивая из них рваную розоватую пену.

На душе стало пакостно. Виновато поглядев на чашу, эльма пошла дальше, по пути машинально отмечая всё, что попадалось ей на глаза. Вот труп Дзака, с прижатыми к горлу руками. Чуть дальше, застряв между камнями, валялось тело Кемача. Посмотрев на него, Юллин содрогнулась. У брата Валваль не было лица, яд ики выел его, оставив чёрные про-

валы на месте глаз и превратив нос и губы в жуткое месиво из остатков плоти и запёкшейся крови. Вытянутая вдоль камня рука, неожиданно заканчивалась в районе локтя и, из разодранных обрывков рукава рубахи выглядывал неровный, с торчащими в стороны разлохмаченными краями, остаток кости.

– Это харайшин...руку ему, – тихо сказал, подошедший сзади Лохмоть.– Он за Куном рванулся. Кемач упал, а поводок захлестнулся на руке. Зверюга его ещё проволокла немного, пока тот в камнях не застрял. А тут Гарлин прямо перед мордой твари с дерева прыгнул ... ну и...харайшин понял, что ему мешает... А с грайсом ты здорово придумала! – тут же восхитился он.

– Ага! – подхватила Минга. – Грайся бежит, харайшин за ним и прям на этих, кто нас убивать пришёл! Они как увидели, так и врассыпную! Про всё забыли: и про нас и про луки свои...

– Ну ка брысь отсюда! – строго сказал ей Лохмоть.– Нечего на всю эту мерзость смотреть! Давай, вон, беги к спасителю своему, а то смотрю совсем ему поплохело!

– Хорошо, – кивнула Минга и действительно побежала в сторону деревьев, под которыми острый взгляд эльмы разглядел Грошика, сидевшего с опущенной головой. Возле него суетился Кун, но он не осматривал мальчугана, а что-то ему взволнованно говорил. Время от времени Грошик судорожно вздрагивал, и Юллин поняла, что мальчугану действительно дурно. Она вопросительно посмотрела на Лохмотя и тот, правильно истолковав её взгляд, с какой-то серьёзной мрачностью ответил:– Принимай нового воина в отряд, Падший! Мингу Грошик спас, но ему пришлось убить! Он молодец, не растерялся...

– Первый... – понимающе и вместе с тем печально кивнула Юллин.

– Молю небеса, чтоб и последний!– так же серьёзно произнёс Охотник.

– Сам-то веришь в это?

– Нет, конечно, но так хочется надеяться... – Лохмоть посмотрел прямо в глаза эльмы и с какой-то душевной тоской продолжил: – Что ж мы творим-то, а? Мальчонке рыбу ловить, да с друзьями носиться, а он злодея к Великой Рыбине отправляет. Минге, девчонке сопливой, куклят наряжать и матери по дому помощь какую оказывать, а она уже на такое насмотрелась, от чего бывалых ратоборов выворачивает...За что им такое, а? Эх мы!!! – он раздражённо махнул рукой.

– Ты и прав и не прав, – так же тоскливо ответила ему Юллин.– Не только от нас всё зависит. Если б я могла, разве ж я...

По её взгляду Лохмоть понял, что Юллин сейчас разревётся. Разревётся как обыкновенная баба, проклиная свою горькую судьбину, разрыдается навзрыд, обиженная на всех и вся и главное, на своё бессилие, на невозможность вот прямо сейчас, сей момент, что-либо изменить в этом несправедливом и беспощадном мире.

– Это ты брось! – нарочито грубо бросил он. – Лучше послушай, какой Грошик герой. Ребятишки столкнулись с одним из тех, кто от харайшина удирал. Мразота решил, что счастье ему самому в руки плывёт-Мингу-то надо было живую доставить. Он её схватил и начал руки заламывать, а тут Грошик. Оказывается, когда они в лес бежали, мальчишка успел знахарев ножичек прихватить. Ну, он и не промахнулся. Зашёл со спины и мразюку в бок! По всем правилам! Этот громила Мингу бросил и за Грошиком, вот только пробежал немного и рухнул. Сумел ножками ещё подрыгать. Чуть-чуть... Это мне Минга рассказала, – объяснил Лохмоть свою осведомлённость.

– Я так и поняла, – усмехнулась эльма, слегка было удивлённая словесными оборотами Охотника.– Погоди, – спохватилась она, – а Олбиран? Он же за детьми присматривать вызвался...

– Он в тот момент купался...вместе с харайшином. Ты лучше у него самого спроси, – взмолился Лохмоть. – Мне некогда разглядывать было, заботы появились...

Юллин кивнула. Что за заботы появились у Охотника, она уже увидела. По крайней мере, у троих из поверженных мародёров, черепа были расколоты ударами секача.

–Славно! – похвалила она Охотника.– Это шестеро уже. Вместе с теми, кого Кун уложил и Грошиковым первенцем.

–Ещё одного Шича убил. А двоих они сами, – неожиданно рассмеялся Лохмоть.

–Как? – не поняла эльма.

–Со страху, наверное. Сама же видела, они, когда нас из лесу ждали, как заправдашные ратоборы позицию заняли, полукругом...

–Стратеги, значит, – поддержала шутливый тон Охотника Юллин.

–Во-во! А когда харайшин вслед за Гарлином на них помчался, они и давай стрелами швыряться,... Правда, целились в зверюгу...

–Попали? – эльма уже открыто смеялась, и Лохмоть тихонько радовался перемене в её настроении.

–Конечно.... Аж два раза. И оба раза в тютельку, если считать таковой тех, кто стоял напротив. Ещё один со скалы грохнулся, башкой о камни...

–Ещё двое. Ещё двое, Лохмоть! – посерьёзнев, сказала Юллин. – Нельзя их отпускать... никого!

–Понимаю, – кивнул Охотник и уставился на что-то поверх головы эльмы. – Если я прав, эти двое направляются сюда. Правда, не одни...

Юллин резко развернулась. Опять заныла спина, но она не обратила на это внимания, устремив взгляд туда, куда смотрел Лохмоть. Со стороны поляны, служившей им ночлегом спотыкаясь, брели двое мародёров, причём один из них был совсем ещё подростком, года на три-четыре постарше Грошика. Сбоку шагал Шича, а сзади, возвышаясь над ними на две головы, вышагивал Олбиран.

–Все! – радостно выдохнула эльма. Уже хорошо зная её, Лохмоть понял, что она радовалась не тому, что ни одному мародёру не удалось удрать, а тому, что все они, её спутники и друзья, живы.

–Пошли, – Юллин кивнула в сторону деревьев, под которыми сидел Грошик. Охотник кивнул, но немного задержавшись ещё раз окинул взглядом местность у чаши.

–Вот и помылись! – криво усмехнулся он.– И откушали заодно!

Тяжело вздохнув, он сплюнул под ноги и зашагал вслед за эльмой.

–Никогда такого не видел! Никогда не забуду! И детям своим расскажу! – размахивая жареным куском ики, восторженно говорил Шича.

–Если они у тебя будут! – подколот его Лохмоть, отрезавший от тушки очередную порцию. Спустившиеся на скалы сумерки, постепенно скрывали дым от погребального костра, разожжённого на далёкой теперь поляне. Трупы врагов в беспорядке побросали на наскоро сложенную из сушняка кучу и подожгли. В последний момент огр внёс в обряд свою лепту: вытащил из чаши харайшина и взвалил его на погребальницу.

–Пусть он их и там погоняет! – жёстко усмехнулся тогда Олбиран.– И так чести для них много...на костре-то...Заодно и воду от этой падали освободили.

Ещё многое они успели сделать, до того как оказались на месте своего теперешнего пребывания. На поляне действительно была затайка Зубаря, и Шича показал её. Рассматривать находящееся там времени не было, взяли лишь необходимое: деньги, кое-что из оружия и одежды...Пока всё это укладывали в плетенцы, Кун отвёл эльму в сторону и осмотрел её спину.

–Синячище знатный, – улыбнулся он, закончив смазывать спину какой-то мазью. – Да только тебе не привыкать. Судя по тому, что у тебя уже на спине имеется, это для тебя так – маленькая царапина. Дня три помажем, а потом сойдёт. Сейчас-то полегче?

Юллин осторожно подвигалась. Боль уже не вспыхивала так резко и внезапно, как это было в первое время после падения. Сейчас она словно отступила куда-то внутрь, спряталась, лишь иногда напоминая о себе нудным нытьём.

– Неплохо, – тоже улыбнулась Юллин. – Спасибо тебе, кудесник!

– Да ладно! – ответил втайне польщённый похвалой Кун и тут же заторопился. – Пойду. Мне ещё Олбирана осмотреть надо, да и от Грошика боюсь далеко отходить.

– Как он?

– Сдюжит, – ответил Кун. – Ручаюсь чем угодно!

– Верю! – опять улыбнулась эльма, и они разошлись по своим делам.

Двоих пленных заставили тащить выпотрошенную тушку ики, повесив старшему на плечи ещё и плетенец с вещами. Мародёры, стиснув зубы, молчали и плелись вслед за Шичей по тропе, ведущей в верховья ручья. Замыкал шествие постоянно оглядывающийся Лохмоть. Временами он даже задерживался, уничтожая мельчайшие следы, могущие указать преследователям их дальнейший путь. Однако никаких признаков того, что за ними кто-то идёт, он так и не обнаружил. Когда начало темнеть они остановились, свернув с тропы в лес, по которому уже шли некоторое время. Подходящее место для ночлега нашлось быстро и, разведя костёр, путники наконец-то присели поесть. И вот теперь Шича восторженно вспоминал прошедшую схватку:

– Эльма побежала, харайшин за ней, Кемач орёт как недорезанный. Дзак хрипит и за горло хватается. И тут на тебе, кот! Прыгнул с дерева и ну перед харайшином метаться. Тот и так зверь, а тут, видать, совсем обезумел. Кинулся к Кемачу, хватать ему руку по локоть и за котом... А тот к стрелкам, они в кучу, кто куда бегут, орут незнамо что, – взмахнул рассказывал он. – Огр ребятам крикнул, чтоб назад в лес бежали, а сам харайшину наперерез! С голыми руками! – Шича даже поёжился, вновь представив эту картину. Юллин посмеивалась про себя: так своеобразно и, вместе с тем, с таким жаром Шича преподносил своё повествование. Учитывая, что он при этом помогал себе жестами и мимикой, история получалась очень увлекательной и заставляла слушателей постоянно следить за рассказчиком.

– Зверюга огра заметила и к нему. Несётся, пасть – во! Клыки – во! – размахивал руками Шича, показывая размеры называемых предметов.

– Чего врётся? – недовольно заворчал Олбиран, но на него зашикали и он, поморщившись, умолк.

– Олбиран, значит стоит, руки опущены, голову наклонил и ждёт! Ждёт, понимаешь ли!!! – хлопнул себя по колену Шича, не обращая внимания на то, что его хотели перебить. – Я уж подумал, всё – сожрёт его сейчас харайшин и не подавится! Прыгнул он, тут всё и кончилось!!! – не в силах сдержаться, Шича вскочил на ноги. – Олбиран как-то быстро развернулся, на носочках одних, вот так как-то... Шича попытался изобразить поворот огра, но чуть не упал, запутавшись в собственных ногах. Теперь тихонько посмеивались все, но Шича, сам захваченный рассказом, абсолютно ни на что не реагировал. – Слушайте, он всегда такой быстрый? Он же такой здоровенный! – удивлённо спросил он у остальных, кивая на огра. Олбиран свирепо сверкнул на него глазами, но Шича вновь ничего не заметил и продолжил, так и не дождавшись ответа: – Я даже моргнуть не успел, как огр хватать его на лету за шкуру одной рукой, приподнял, и хватать второй зверюгу за горло. Как шенка, какого неразумного, клянусь! Аж жутко стало, харайшин то на задних лапах, почти одного роста с Олбираном! Постояли они мгновение, а потом огр шагнул в сторону, и они упали прямо в чашу, – он понурил голову, и уже напрямую обратился к герою своего рассказа: – Прости, друг огр, но я подумал тогда, что тебе конец... на глубине-то! В ваших краях разве плавать научишься?!

Юллин не выдержала и засмеялась, с восхищением смотря на Олбирана. Огр всё рассчитал до последней мелочи. Его могучие лёгкие, прошедшие закалку на высокогорьях, а затем испытанные штормами и шквалами морей, могли вобрать в себя такой запас воздуха, какой

харайшину и не снился. Главным было удержать его под водой, что Олбиран с успехом и проделал. Зверюга попросту захлебнулась, не сумев освободиться из железной хватки мощных рук. А вот с Шичей у Юллин что-то не всё вязалось. Получается, что Зубарь прекрасно знал о том, кто такой Олбиран, а его подручный – нет? А ведь Шича был далеко не последним в окружении главаря мразоты, если был осведомлён о таких вещах, как поляна и затайка. Странно... «Да, что-то многовато загадок и тайн, – думала эльма. – С той же Мингой, например. Там вообще впору «Караул!» орать! Мать – рабыня, Зубарь, Валваль какая-то... Кто это? И кто она Минге? Нет, пора брать Шичу за грудки, в переносном, конечно, смысле. Пусть выкладывает, что знает. И соврать у него не получится, у пленных каждое слово перепроверить можно!» Она внимательно посмотрела на Лохмотя, который перехватив её взгляд, тут же напрягся и едва заметно кивнул в сторону. Эльма непринуждённо встала и, шагнув в сторону, на мгновение остановилась возле спящих ребятишек. Раскинувшийся Грошик спал беспокойно, временами ещё вздрагивая во сне. Но это абсолютно не беспокоило Мингу, властно положившую на него руку, как-бы говоря всем: – «Он мой! Только посмейте тронуть!» и, судя по вспыхивающей временами сонной улыбке на губах, видящей что-то светлое и интересное.

– Вот так! – шёпотом произнёс возникший из полумрака Лохмоть. – Столько переговоров, столько переуспокаивали, Кун чуть ли не половину сумки своей на него извести хотел, а он вот, спит себе...

– Он сейчас свою жизненьку прядёт, – тоже шёпотом ответила эльма. – Я не могу знать, каким воином он станет, да и станет ли вообще, но я твёрдо уверена в одном. Он всегда защитит слабого, вступится за униженного, поможет несчастному. Это было в нём и раньше, но затвердело, укоренилось там, в лесу, когда он не бросился бежать, сломя голову, под наше крылышко, а взял в руки кинжал и спас Мингу. Не себя, Лохмоть, а девочку-приблудку, как он её обзывал порой. Мужчина! – с чувством произнесла она и, поманив за собой Охотника, отошла ещё дальше в лес. Поделившись с ним своими сомнениями, эльма замолчала, ожидая, что скажет собеседник.

– Решать что-то надо, – согласился Лохмоть. – Давай так, я Шичу спрашиваю, а ты слушай внимательно, да и за пленниками поглядывай. По тому, как они на его слова реагировать будут, многое понять можно. Пошли?

У костра уже было тихо. Шича старательно подбрасывал сухие ветки, не давая огню потухнуть. Пленные под презрительным взглядом, усевшегося напротив огра, торопливо ели выделенные им порции. Кун готовился ко сну, расстилая между корнями плащ, взятый из затайки Зубаря. Увидев возвращавшихся из леса эльму и Лохмотя, он выпрямился и проговорил: – Сейчас ещё схожу на детишек гляну. Минга-то вроде в порядке, а вот Грошик...

– Всё нормально, – успокоил его Лохмоть. – Только от них. Спят без задних ног, Грошик правда свой кусок не съел, так это бывает после такого, сам понимаешь. Ничего, завтра доест. А ты давай с нами. Ещё один рассказ Шичи послушаем.

Шича быстро понял, чего от него хотят. Вздохнув, он посмотрел в сторону спящих ребятишек и, понизив голос, заговорил:

– Зубарь не так просто нашим главарём стал. Когда он у нас в слободке появился, я ещё молодым совсем был и в этих делах не участвовал. Хотя слободские наши испокон века на острове промышляли. Так вот, в то время, во главе мразоты стоял Пишот. Угрюмый был мужик, нелюдимый, но дело крепко знал. Ещё до появления Зубаря он в слободе лавку открыл, торговать начал тем, что с Зовущего привозил. Умно было, так как остальные, кто в его кодлу входил, свою долю добычи ему же и продавали за бесценок. В Заводь, на торговища, ездить побаивались – а вдруг опознает кто платье или кинжал, к примеру? Или безделушку какую, навряд ли берега? Вот и тащили свои припасы в лавку Пишоту: кто сразу, а кто через какое-то время, а всё одно – ему....

– По делу давай, – довольно резко оборвал его Лохмоть.

–Так к тому и веду, – простодушно кивнул Шича. – У Пишота двое детей было, дочка Валваль и сын-Кемач. Когда Пишот почувствовал, что пора от дел отходить, он захотел сынка на своё место поставить. Вот только Кемач и слышать об этом не желал. Его больше привлекало в Абелин мотаться и с городскими девками в кашеварнях гулять. Так что как ни бился Пишот, как ни угрожал и уговаривал – ничего не вышло. Тут-то Зубарь и подвернулся. Взял да и обрюхатил Пишотову дочку. Он-то мужик видный был, а она так себе, вот и повелась на Зубаревы уговоры. Пишот узнал об этом, поорал, поорал, а потом обжегил их и успокоился на этом. Мало того, вскоре он в Зубаре стал своего преемника видеть, а затем так и поступил. Хотя до того уже Зубарь стал по чужим девкам бегать-Валваль-то обманула и его и отца – никакого ребёнка она и ждать не ждала...

–Ты побыстрее можешь? – недовольно пробурчал огр, тоже присоединившийся к ним.– Вон как про харайшина «чесал», я даже затрещину тебе врезать не успел.

–За что? – искренне удивился Шича.

–Нечего языком молоть, – проворчал Олбиран. «Пасть – во, клыки – во...» – передразнил он парня. – Ты б ещё один размер показал или не разглядел?

Шича возмущённо закрутил головой, но тут решительно вмешалась эльма.

–Потом выяснять будете, чьё достоинство больше! – съязвила она.– Шича, нам долго ждать?

Парень ещё немного посопел, смотря на Олбирана, но потом всё же продолжил: – После того как Пишот ушёл на небеса, выяснилось, что у него Предустье ещё один дом имеется. Кемач его отхватил и уехал, а всё остальное Валваль досталось. Стала она заправлять в лавке и так хорошо у неё это пошло, что вскоре забросила она все остальные дела и для начала открыла ещё одну лавку, в Заводи. Тут и Кемач за ум взялся: купил пару лодок и стал заниматься перевозом. Сейчас у него их восемь штук – и для люда и под грузы и кораблик имеется...

–А дети у него есть? – неожиданно спросил Лохмоть.

–Не слыхал, – помотал головой Шича.– Девоч-то полно он испоганил, но вот чтоб какая-то от него понесла-не припомню, хоть убей...

–Живи пока, – хлопнул его по плечу Охотник.– Что там дальше-то?

–Что дальше? – пожал плечами Шича. – У Валваль времени не было домом заниматься. Уж и нескольких девок дворовых наняла, так те только по дому шастали, да чистоту блюли. Тогда она в Заводи и прикупила Рини, чтоб та по хозяйству ей помогала, на скотнике там и ещё где...

–Настоящую мать Минги? – спросила эльма.

–Ну да. А Зубарь Минге настоящий отец. Он на Рини сразу глаз положил. Она красавицей была, только прихрамывала немного, потому Валваль и удалось её купить-цена-то за вечную на торговищах маленькая.

Эльме не показалось. Говоря о Рини, Шича заговорил с придыханием, его глаза увлажнились. Ей многое стало ясно в его отношении к Минге. Дочь любимой женщины, которую он никогда уже не обнимет и не назовёт ласковым словом. Всю свою нерастрченную любовь он выплеснул на Мингу, оберегая и защищая её по мере своих сил.

–Пока Минга совсем крохой была, всё вроде ладилось,– говорил тем временем Шича, незаметно, как ему казалось, утерев глаза.– Валваль даже радовалась прибытку: дочь рабыни, тоже по законам нашим невольница и тоже денег стоит. Всё поменялось, когда она её решила заклеить. Для этого ей надо было Мингу везти в Предустье. Староста у нас в слободе есть, а вот мага нету. Не везёт нам с ними, – шмыгнув носом, внезапно добавил он.

Кун уже открыл было рот, но Лохмоть сжал его руку и прошептал: – Потом! Знахарь согласно кивнул и стал слушать дальше.

–Нет у Минги клейма! – в этот момент сердито говорила эльма. – Я видела, своими глазами!

– Нету, – согласно кивнул Шича. – А всё потому, что Рини, когда узнала, куда и зачем её дочку везти хотят, заперлась с Мингой в сарае и в руки факел взяла. Так и крикнула Валваль через дверь: – « Или оставишь мою дочь в покое или сожгу здесь всё!» И себя, значит, и Мингу, – тяжело вздохнул парень.

– Как она узнала? – поинтересовалась Юллин. – Ты сказал?

Шича уже не скрывал слёз бегущих по его щекам.

– Я, – тихо прошептал он и наклонил голову. Затем выпрямился и глухо продолжил: – На шум Зубарь вышел. Он пил три дня без просыпу, и тогда его ещё шатало. А он когда наливался, дурным становился, как тот страж на реке говорил. Не пойму, правда, где он Зубаря такого видел? – удивился Шича.

– Потом поймёшь. Может быть, – сказал Лохмоть, быстро переглянувшись с Куном. – Ты не тyani, рассказывай...

– Какой бы тварью Зубарь не был, но узнав, что к чему, ужас как взбеленился! Две седмицы Валваль торговать не выходила, встать после побоев не могла. В общем, затаила она на Рини злобу. Хотя внешне уж такую заботу о своей невольнице проявляла, Зубарь только диву давался, да гордился своим даром убеждения. А Валваль, оказывается, лишь случая удобного ждала, чтоб Рини извести и Мингу к рукам прибрать, да только бестолку всё. Зубарь-то в дочке души не чаял и после всего этого, начал её даже на остров с собой брать, чтоб от жены своей подальше...

– Прибил бы он эту Валваль, и дело с концом, – пробурчал огр. – Делов-то.... Судя по твоим речам, она та ещё паскудница.

– Мог бы прибить, да боялся, – опять вздохнул Шича.

– Боялся? Кого? – заинтересовалась Юллин.

– Брата её, Кемача. Около двух лет назад тот объявился. С харайшинами. Сами видели, что за страшилища. Мы поначалу даже во двор не выходили...

– Мы? – переспросила Юллин. – Ты сказал «мы»?!

– Ну да, – кивнул Шича. – Я ж приبلудка. Мамка моя померла, когда мне и десяти лет ещё не было, а отца после её смерти только на два года и хватило: деревом пришибло на лесорубке. Вот и шоркался я по слободке, пока меня Пишот не приметил. Сначала я ему по хозяйству помогал, потом в лавке...

– Ты умеешь вести дела? – заинтересовался Лохмоть.

– Ну как, – неуверенно проговорил Шича. – Могу, наверное. Когда Валваль на торговщице уезжает, я в слободской лавке остаюсь. Зубарь-то меня и на остров брал только по случаю, когда его жена дома. Я и книгу вёл торговую...

– Это хорошо, – как-то задумчиво протянул Лохмоть, уставившись на угасающий костёр, – о-очень хорошо...

Было заметно, что он что-то прикидывает, решает и от этого решения во многом зависит дальнейшая судьба и Шичи и Минги.

– Так что произошло? Почему Рини умерла? – покосившись на Лохмотя, спросила эльма.

– Зверь задрал, – печально ответил Шича. – Мы в тот день на остров ушли. Зубарь Мингу с собой взял в первый раз. Валваль болела и дома осталась, да и лавку в тот день не открывали. Рини в лес пошла за листьями капары, чтоб отвар для Валваль сделать. Кашляла та сильно...

Знахарь удивлённо поднял брови, но промолчал и стал слушать дальше.

– Потом уже мы её нашли, когда с острова вернулись. Не смогла она ни убежать, ни на дерево залезть... из-за хромоты своей. Даже собрать ничего не успела, хоть и далеко зашла...

– тихо проговорил Шича и замолчал.

Кун и эльма вскочили одновременно. Юллин шагнула к пленникам, с испугом уставившимися на неё. Знахарь же вышел за освещённый костром круг и тут же вернулся, держа в руке несколько невзрачных листочков.

–Что это? – спросил он Шичу.

–Сорник, – пожал плечами Шича.

–Правильно, – согласился Кун. – Так его называют здесь. А вот в Корроре или на архипелаге тебе бы сказали, что это капара, – потряс листьями знахарь.– Теперь судите сами, – обратился он ко всем. – Рини лечила рану Минге, после выстрела сайтара и лечила хорошо, судя по тому, что девочка здорова. Значит Рини, скорее всего, была знахаркой. А любой, даже начинающий лекарь, знает, что капара ни от чего не поможет – бесполезное для нас, знахарей, растение. Это азы. И растёт капара или сорник возле каждого двора... Так что, идти за этой травкой в лес, да ещё и не найти... – развёл руками Кун.

–Но ведь она же пошла,... Может, ты ошибаешься? – Шича с сомнением смотрел на Куна.

–Вряд ли, – покачал головой знахарь, – если ты ничего не перепутал, конечно.

– Нам Валваль рассказала... И Кемач тоже. И вон эти могут подтвердить, – Шича кивнул головой в сторону пленных. – Это медовник наш, Нешка и его сын. Они тогда тоже там были.

– Нешка что, мёд Валваль приносил? И ещё так много, что помощь сына понадобилась? – иронично спросил Лохмоть.

–Так у них и спросим, – вмешалась эльма, ткнув сапогом ногу того из пленников, который был постарше. – Они нам, похоже, и ещё кое-что могут рассказать. Я заметила, как они переглянулись, когда Шича про гибель Рини говорил, – пояснила Юллин спутникам своё поведение. – Ну, что, бывший медовник, а нынешний мразота, будем беседовать? Или сынишку твоего огру отдать? А то ведь ика ему лишь на один зуб.

Она наклонилась к пленникам и доверительно прошептала:– Самой страшно спать, когда рядом эта утроба ненасытная. Проснёшься, а у тебя одной ноги нет, а напротив костёр догорает и Олбиран в зубах косточкой ковыряется.

Она говорила это так серьёзно и убедительно, что сын Нешки тихонько заскулив, стал рывками передвигаться подальше от страшного огра. Олбиран, понявший замысел эльмы, неожиданно плотоядно облизнулся и с милой улыбкой людоеда уставился на остолбеневшего медовника. Сказки об ограх, которые столетиями гуляли по всем населённым землям, играли сейчас на руку Юллин. Забитые слободчане, никогда не выезжавшие никуда дальше Заводи и Предустья, вряд ли раньше так близко видели этих гигантов и уж совсем точно никогда не общались с ними. Поэтому они искренне верили во всю ту чушь, которая разносилась от одного рассказчика к другому, обрастая всё новыми жуткими подробностями.

–Сохрани нас небеса!– вдруг завопил Нешка.– Всё одно помирать, так хоть честно, от железа ратного, а не в жадном брюхе! Не от зверя рабыня сгинула! Её харайшины порвали!

Прокричав всё это, он внезапно всхлипнул и стал заваливаться на своего отпрыска. Тот завизжал от страха, и от этого звука его отец пришёл в себя. Ошалело оглянувшись, он увидел мрачные лица своих пленителей.

– Тихо оба! – тяжело бросил Лохмоть. – Упаси вас небеса детей разбудить!

–Успокойся и рассказывай, – негромко произнесла эльма, – только всё рассказывай, без утайки.

–Он нас прильёт, – дрожащим голосом проговорил Нешка, указывая на Шичу.

–Говори, – пошевелился тот.– Не бойся, не трону...

Нешка неуверенно посмотрел на сына, съёжившегося за его спиной, потом на остальных и, вздохнув, заговорил:

–Я должник Валваль. Давно уже, очень давно, – он сокрушённо помотал головой и посмотрел на Охотника.– Почему так вышло, тоже рассказывать?

–Не обязательно, – поторопил его Лохмоть. – Про Рини говори.

Медовник ещё раз вздохнул и продолжил:

–Мы с сыном в тот день в лес собирались, дупла сотовиков поискать. Но тут к нам Кемач прибежал, сказал, что Валваль кличет. Пошли мы, куда ж денешься. Рини во дворе лежала,

погрызенная вся. Не дышала уже. Харайшин не было, видать их Кемач отвёл с глаз подальше. Валваль нам велела взять тело и отнести в лес, в самую чащобу, чтоб не сразу нашли. А потом подтвердили, что рабыня сама в чащобу ушла, за травами. Мы так и сделали. Так-то вот... Валваль нам за это часть долга простила.

–Отомстила, выходит, – задумчиво произнесла эльма.– Зверь она у вас. Похлеще того же харайшина будет.

–Она хотела рабыню под брата подложить, – внезапно подал голос сын медовника. – Сама говорила, мол, с Мингой не вышло, так с другим её ублюдком получиться. И никакой Зубарь не поможет, так как дитё не его будет, а Кемача.

–Значит вот, что она задумала, – медленно проговорил Шича и стал подниматься.– Похоже, расходятся теперь наши пути. Дело у меня важное возникло. Вы уж о Минге позаботьтесь, как сумеете. Прощайте!

–Быстрый какой, – проворчал Лохмоть и так дёрнул Шичу за пояс, что тот не удержался на ногах и вынужден был снова сесть. – Ты, значит, побежишь шею себе сворачивать, а мы вслед ручками помашем? Не получиться...

–Так всё равно пока Валваль жива, Минге покоя не будет, – заупрямился Шича. – У лавочницы запись имеется о том, что Минга – дочь рабыни. И рабыня та – собственность Валваль. Сам ту запись видел! Так что объявит она её в поиск...

–Запись не твоя забота, – спокойно проговорил Лохмоть.– Тебе надо мыслить, как дальше жизнь устраивать. И про Мингу тоже.

–Ты что-то придумал? – спросила его Юллин.

–Да, – коротко ответил Охотник. – Но об этом завтра. А сейчас выспаться надо, сил набраться. Я думаю, нам никто не помешает в слободку заглянуть? К «заботливой» лавочнице Валваль? Вот и я думаю, что никто, – улыбнувшись, сам себе ответил он, увидев утвердительные кивки со всех сторон.

Ночь прошла спокойно. Утром они обнаружили пару крупных пулонок – плохо летающих птиц, оттого выющих свои гнёзда низко над землёй. Они обычно всегда были настороже, и своими крепкими клювами и мозолистыми ногами могли нанести серьёзное увечье хищнику, решившему полакомиться ими. Но тактика грайса была пулонкам не знакома. Поэтому Гарлин довольно легко добыл несколько особей, поев сам и принеся добычу на стоянку. Усадив невыспавшихся пленников ощипывать птиц, спутники, умылись и, приведя себя в порядок, отошли в сторону. Усевшись на древесник, все уставились на Лохмотя.

–Слушай очень внимательно, Шича, – начал тот. – Как мы уже поняли ни ты, ни Минга не можете возвращаться в слободку. Поэтому вы отправитесь в Заводь.

–Куда? – переспросил ошарашенный Шича, а Юллин довольно кивнула головой. Опять их с Лохмотем задумки совпали, и от этого стало как-то легко на душе.

–В Заводь,– спокойно повторил Лохмоть. – А точнее на Дальнюю пристань, в кашеварню «Сивоусый Сом». Там вы поселитесь. На следующий день, ты отправишься на Приовражное торговище. Среди доглядчиков найдёшь призрачника, откликающегося на имя Холодок. Это мой должник. Шепнёшь ему, что ты от меня и долг пора возвращать. Он должен сделать так, чтобы тебя взяли в кодлу нового старшего Дальней-Переплюя. А вот дальше действовать будешь сам. Ты умеешь писать и читать, знаешь торговое дело. Но что самое главное – ты умён. Ненавязчиво попробуй подкатить к старшему. Подкинь пару идей, а если не выйдет сразу, не торопись. Создай проблему для Переплюя и помоги ему её решить, но так, чтобы он понял, чего ты стоишь...Понял?

Шича кивнул головой, но было видно, что у него на языке вертятся вопросы.

–Спрашивай, – улыбнулся Охотник.

–А нас поселят в этого... «Сома»? Вдруг там мест не будет?

– Будут и много, – опять улыбнулся Лохмоть. – Хозяина зовут Касам, он личность жадноватая. Дашь ему полторы цены и вселишься. Жаль, в затайке Зубаря толлей немного было... ну да ничего, на первое время тебе хватит. Хотя, скорее всего и этого не понадобится. С вами такой проводник будет, что в кашеварне вас с распростёртыми объётыями примут! Грошик, иди-ка сюда, – окликнул он. – И Мингу с собой прихвати... Ещё вопросы есть? – снова повернулся он к Шиче.

– Есть, – кивнул Шича. – А вдруг Холодок не поверит, что я от тебя? Или того хуже, друзьям своим меня сдаст?

– Даже и не думай, – успокоил его Лохмоть – Про тот долг знаем только мы с ним. И если ты призрачнику про него скажешь, он сразу поймёт, что ты от меня. А долг этот из тех, что вряд ли когда забудется. За то, чтобы его вернуть, Холодок всю Заводь перережет, если ты ему такое предложишь. Так что не волнуйся. Ага, вот и ребятня подросла...

Следящие за готовящими завтрак пленниками ребяташки подбежали к взрослым.

– А как же...? – начал было Шича, указав рукой на медовника.

– Да куда они денутся, – поморщился Лохмоть. – Ты их сейчас выгонять будешь-не уйдут. Для них Валваль страшнее даже кровожадного огра, – подмигнул он Олбирану. – Но о них потом, без вас уже... им тоже поручение будет... Значит так, Грошик. Твой поход заканчивается. Отправишься с Шичей и Мингой к родной тётке под крышу. Соскучился, поди? – спросил Лохмоть и улыбнулся, увидев, как нахмурился подросток.

– Так надо, Грошик, – положила ему на плечо руку эльма. – Шича будет там нашими глазами и ушами. Кто будет ему помогать? Кто обережёт Мингу? Ты! На Касама сам знаешь, какая надежда. Только помни-сначала думать, а потом делать! – строго сказала она. – И ещё, – эльма взяла детишек за руки и отвела от остальных. – Грошик, если Ивия ещё там, – тихо проговорила Юллин, – скажешь ей, что у Литы всё хорошо. И, у её... мужа тоже, – запнувшись, сказала она, посмотрев в сторону Лохмотя, что-то опять растолковывавшего Шиче.

– А я сразу поняла! – проговорила Минга, перехватившая её взгляд. – Только вы воюете сейчас, поэтому не до нежностей. У нас тоже так, – печально вздохнув, добавила она, в свою очередь, посмотрев на Грошика.

Юллин рассмеялась. Стремление Минги во всём подражать взрослым иногда переходило все мыслимые границы. Уверовав в то, что между Лохмотем и эльмой есть некая сердечная связь, она тут же придумала и себе нечто подобное, сделав своим избранником Грошика.

– Не торопись взрослеть, – она ласково потрепала девчущку по волосам. – Будь самой собой, единственной и неповторимой. Сделай себя такой, чтобы не ты подражала кому-то, а кто-то подражал тебе. И тогда всё придёт. Само. Понимаешь?

Увидев неуверенный кивок девочки, она достала из своего мешка срезы и протянула их Минге.

– Держи. Вот этот, – она показала рисунок пристани, – можешь повесить на стену в комнате. Этот, – эльма взяла портрет Ивии, – лучше никому не показывать...

– Можно? – подошедший Кун, протянул руку и взял срез. Немного посмотрев на него, он вздохнул и вернул его эльме. – Правильно делаешь, что отдаёшь. У нас такая развесёлая жизнь последнее время, что можем и не сохранить. А там, в Заводи, им самое место будет. Пока мы не вернёмся...

– Вы ж вернётесь? – спросил Грошик, внезапно ухватив знахаря за рукав. – Обещайте, что вернётесь! Иначе, я сам пойду вас искать!

– И я! – сквозь слёзы вторила ему Минга. – Вместе пойдём, да? – она взяла Грошика за руку, и тот не выдернул свою, как сделал бы ещё день назад, а крепко сжал её ладонь, будто уже зовя её в дорогу.

–Конечно, вернёмся! – огромный огр вырос над ними. – У меня там дело осталось. Какими бы не были Йорро, они были воинами. И такой поганой смерти не заслужили. Надо за это спросить кой с кого...

–Ну, а мне сами небеса велели, – усмехнулся вышедший из-за спины Олбирана Лохмочь. – На службе как-никак...

–А ты? – спросила Минга эльму.

–Куда ж я денусь! – улыбнулась ей эльма. – Вы ж там без меня таких глупостей натворите! – под общий смех добавила она.

Почувствовав, что-то в руке Юллин опустила взгляд и увидела третий срез, который она ещё не отдала Минге.

–Держи,– протянув его Минге, сказала эльма. – Этот пусть просто у тебя лежит...

Минга неожиданно убрала руки за спину и отрицательно закрутила головой.

–Не возьмёшь? Почему? – удивилась Юллин.

– Не нравится. Там люда нет, – ответила девчушка.

–Так на рисунке пристани тоже никого нет...

–А вот и неправда. Там сразу никого не было. А здесь? Был люд – и нет люда. Одна цепь осталась....

–Что?! Что ты сказала?! – встрепенулся Кун и ухватил Мингу за плечо.

–Я про картинку, – растерянно посмотрела на него девочка.

–Да, да про картинку! Повтори!

–Нет на ней никого. Пустая она какая-то. Только цепочка...

–Вот!!! – заорал Кун и, схватив эльму свободной рукой, вдруг неожиданно запрыгал по древеснику, увлекая за собой остальных.

–Что с тобой? – смеясь, прокричала эльма.

–Не понимаешь? – так же смеясь, ответил ей знахарь. Он также неожиданно остановился, приблизил лицо к эльме и прошептал: – Вспомни слова Минги. Вспомни, где живёт ниммон. И вспомни, что мы ищем. А теперь сложи всё вместе... Догадалась?

–Да! – с замиранием сердца, прошептала эльма и, всё ещё не веря себе, боясь ошибиться, почти беззвучно проговорила. – Цепь-в Безлюдье!

Клеймо

Валваль была не в духе. Уже два дня она не открывала лавку, хотя и не ездила торговать в Заводь. Слободчане, потоптавшись немного у закрытой двери, расходились, а она так и сидела у окна, глядя на пустынную дорогу. В придомной громко смеялись Таверь и Тит, двое слободских парней, которым Кемач поручил охранять сестру. В другое время Валваль наорала бы на них, но сейчас её голова была занята другим. Мысли вертелись вокруг того богатства, которое должно было свалиться на неё в виде затайки Зубаря, Минги и выродка-арлая. К сожалению, всё, что Кемач найдёт у беглецов, он заберёт себе. Лишь на таких условиях, он согласился пуститься в погоню.

«-Ну и пусть!» – думала Валваль. «В мужниной затайке тоже кой – чего найдётся. Мингу клеймить и на торговище сразу, за молоденькую девку предустьевские богатеи много толлей отвалят. А Падшего воина властям в Абелине сдать. Тоже не покупятся, небось. Тогда можно и в Предустье насовсем перебраться. В Заводь неохота, уж больно там тягот денежных много. Ничего, в Предустье тоже торговища есть и Кемач поначалу поможет, если что. Знакомства – то полезные, поди, остались. А потом и сойтись можно с каким-нибудь купцом побогаче. Вдова как-никак...»

Она усмехнулась, вспомнив, как околпачила Зубаря, да и своего отца тоже. Невысокая, но с ладной фигурой, она была не дурна собой и отбоя не знала от женихов. Однако местные не привлекали её. Хотелось чего-то другого, незнакомого, даже в чём-то опасного и для неё и для остальных. Всё это она нашла в Зубаре. От него прямо веяло загадочностью и какой-то скрытой

жестокостью, как будто внутри него дремал кровожадный зверь. (Уже потом она узнала, что в Обители, он дезертировал из войска Властителя, а затем убил стража и был вынужден бежать в Заречье, где примкнул к коdle её отца.) Быстро отвадив других, она стала прикладывать все силы, чтобы приманить Зубаря к себе, но он только смеялся, глядя на её усилия. Но и он сдался, когда Валваль сообщила ему, что ждёт ребёнка. Это не было ложью. Но портить свою фигуру родами она не собиралась. Перед глазами стояла её расплывшаяся, вечно всем недовольная мать, и Валваль очень не хотела становиться похожей на неё. Поэтому тогда она вытравила плод. Но теперь... теперь уже пора. Заманить купчика в сети и родить наследника, которому достанется всё. И даже больше, чем всё, учитывая, что Кемач тоже до сих пор был одинок. Пусть и остаётся таким, она уж об этом позаботится...

Испугавшись последней мысли, она вздрогнула и, обернувшись, прислушалась. Нет, всё было по прежнему: также гоготали её балбесы охранники, раздавалось сопение аноп, стоящих в стойлах и клёкот домашней птицы, разгуливающей по двору. На слободку постепенно опускался вечер, вот уже и Мирюшка, вечный поводырь рогалей, показался на Песчаннике, гоня впереди своё разномастное воинство. Валваль опять усмехнулась. Большая часть стада принадлежала ей, хотя всего три рогалихи и два могучих рогаля были именно её. Остальные были залогом в лавке, и у многих уже давно вышел срок. Но Валваль пока не требовала привести животину к ней в скотник. Пусть прежние хозяева сами покормят свою скотинку, но вот молоко, которое давали рогалихи, делилось из расчёта кружка – бывшим хозяевам, три кружки – Валваль. Каждое утро к ней заезжал салинский маслобой и скупал все излишки. Да и приплод от рогалих тоже был её. Именно мясом она и торговала в Заводе. Конечно, не последнее место в её денежных вливаниях занимали товары, привозимые с Зовущего. Но теперь, похоже, этому прибытку пришёл конец. Что натворили на острове выродок с товарищами неизвестно (и натворили ли вообще), но по лицам бывших приспешников Зубаря, Валваль поняла, что соваться на остров большого желания ни у кого больше не было. « – Ничего», – думала лавочница. – «Возьмём за шкуру этого Падшего и потрясём. Выложит всё как миленький. Может, и нет на Зовущем никакой опаски. Тогда подумать, ... крепко подумать придётся, кого оставить на этом промысле. Эх, жаль, Выпи нет больше, ... и за это выродок тоже ответит. Никто ж не говорил, что Падших воинов нужно приводить к властям живыми и здоровыми, можно, поди, и покалеченными сдавать».

За размышлениями она не заметила, как пролетело время. Светило уже почти скрылось за верхушками лесных деревьев. Кемача и остальных пока не было. Она шуганула Тита, зашедшего с зажжённой лампой, и, дождаввшись пока тот выйдет, стала готовиться к ещё одной беспоконной ночи. В её снах толли звенели, падая из набитых мешков, коленопреклонённый люд целовал подол её платья, но всё это было каким-то зыбким, расплывчатым и постоянно норвило исчезнуть, заставляя Валваль, всполошено вскакивать, унимая бешено стучащее сердце. Вот и теперь очередной морок растворился у неё перед глазами, и она проснулась. Присев в постели, Валваль потянулась к кувшину с холодным, горьковатым, немного хмельным напитком, что приносил ей Нешка, местный медовник в зачёт своего долга. Но её рука дрогнула на полпути и Валваль замерла, вся превратившись в слух. Прямо за окном кто-то ходил. Вскоре к шагам прибавилось бормотание. Вслушавшись, Валваль почувствовала, как волосы на её голове встают дыбом. –Оставь мою дочь в покое,– простонал тот, кто скрывался в ночи. –Иначе сожгу... жгу... жгу...

Вжавшись в угол, Валваль закрыла глаза. Шаги за окном затихли, а потом стали медленно удаляться. Вместо них возник какой-то потрескивающий звук. Стуча зубами, Валваль прокрадась к окну и осторожно выглянула в щель в закрытых на ночь ставнях. Её затрясло, когда она разглядела, что творилось на улице.

Стояла глубокая ночь. Светляк ровным светом освещал Песчанник, по которому, заметно прихрамывая, удалялась женская фигура, закутанная во всё чёрное. Прямо перед

окном Валваль в ограду был воткнут зажжённый факел. Это он потрескивал, порой роняя яркие горючие капли на устилающий двор песок. Неожиданно уходящая остановилась и, повернувшись к дому Валваль, погрозила пальцем, а затем призывно махнула рукой. Раздался скрип воротинки и со двора вышла ещё одна фигура. По росту, ширине плеч и, главное, тёмному, почти чёрному плащу, с накинутым наголовником, Валваль сразу узнала ночного гостя. Это был Зубарь! И в его руке была плеть! Та самая плеть, которой он охаживал её тогда, когда она впервые решила заклеить Мингу! Она сразу узнала её по блеснувшей в свете факела вставке и белёсой нити, вплетённой в длинный прочный хлыст. Остановившись, Зубарь повернулся к окну и поманил Валваль, при этом противно щёлкнув плетью. Тихо завыв, Валваль отпрянула от окна и свалилась на пол. Ей хотелось спрятаться, забиться куда-нибудь, но что-то словно подталкивало её наружу. Полежав мгновение, всё также подвывая, она проползла по полу до двери и толкнула её. Дверь послушно распахнулась. – Тит! Таверь! – хотела крикнуть Валваль, но смогла лишь прошептать их имена. Собравшись с силами, она кое-как приподнялась на ноги и, пошатываясь, потащила в придомную, всё также шепча имена своих охранников. Дом отвечал ей мёртвой тишиной, и лишь толкнув дверь, ведущую во двор, она увидела их. Две длинные цепи с железными ошеями, внутри которых зловеще торчали длинные загнутые шипы, оставшиеся после ушедших с Кемачем харайшин, вновь обрели хозяев. Полуодетые охранники, стояли на четвереньках, оскалившись друг на друга. Из-под ошей сочилась кровь, оба уже были мертвы, но непонятная сила не давала Титу и Таверю упасть. Объятой ужасом Валваль даже послышалось рычание, исходившее из разорванных шипами глоток её послушных слуг. Застонав, она обессилено опустилась на крыльцо и тут же почувствовала жуткий холод, пробирающий её до костей. Руки и ноги начали коченеть. Остаться на месте означало верную смерть и она, подобно своим охранникам, встала на четвереньки. Что-то бессвязно мыча и мотая головой со спадающими до земли волосами, Валваль поползла к воротинке, где ждал её неумолимый мертвяк. Плеть опустилась ей на спину, как только она подползла к его сапогам и погнала вперёд, туда, где на дороге стоял ещё более страшный для Валваль ночной гость. Но Рини не стала ждать, когда Зубарь подгонит её убийцу. Прихрамывая, она заспешила вперёд, протянув в сторону руку. Неожиданно из придорожных кустов выпрыгнула маленькая вёрткая фигурка, тоже закутанная в чёрное, и счастливый детский смех огласил окрестности. Мертвяк Минги вцепился в руку своей матери и зашагал с ней прочь по дороге. Валваль потянулась было к ним, моля о пощаде, но ещё один, обжигающий, страшный по силе удар плетью, заставил её распластаться на пыльной дороге.

– Это наша дочь! – глухо проговорило над ней посмертие Зубаря. – Ты виновата перед нами, но у тебя ещё есть шанс всё исправить. Освободи Рини! – потребовал мертвяк. – Запомни, в вашей жизни она была знахаркой. Утром вызовешь старосту, а колдун сам найдёт вас. Учти, это чёрный колдун, наш колдун, и если ему не понравится твоё решение, мы придём снова! А чтоб память тебя не подвела, мы заберём Кемача, вместе с его зверьём! – зловеще закончил он.

Валваль почувствовала, что её приподнимают в воздух, а затем отшвыривают в сторону, как нашкодившего щенка. Подминая собой поросли сорника, она скатилась в помойную лужу, дурно завонявшую и зачавкавшую под её весом. С трудом выдирая руки из зловонной тины, она выбралась обратно на дорогу. На ней уже никого не было, лишь откуда-то издали зловеще прозвучал детский смех. Проползя ещё немного в сторону дома, она вспомнила, *кто* ждёт её во дворе и тихо охнув, лишилась чувств.

Утром в слободке поднялась суматоха. Бабы носились от двора ко двору, собираясь в кучки. Все обсуждали произошедшее ночью. Точно никто ничего не знал, так как дом Валваль стоял на пригорке, несколько в стороне от остальных. Но то, что лавочницу ранним утром нашёл Мирюшка почти раздетую, всю перемазанную вонючей грязью и кровью – об этом знали все. В доме самой Валваль сновали соседки да дворовые девки, то и дело, останавливаясь и

всплёскивая руками. А мужики хмуро обсуждали лишь одно. Кто сотворил такое? И если уж творил, что ж не до конца? Теперь ведь отлежится лавочница, пройдут её раны, и тогда глядишь, только лютости в ней добавится. Да ещё Кемач вернётся... Нет, надо до его возвращения виновных найти. Поэтому-то и послали с первыми лучами в лес стариков-звероловов, на поиски Таверя и Тита, которые исчезли из дома, оставив, правда, все свои пожитки и оружие. Мало кто сомневался, что это была их проделка, но вот за что они так поступили с хозяйкой, никто даже и предположить не мог.

–Найдём, разберёмся! – дребезжащим голосом говорил Маслай, староста слободки. – Пооди, украли чего-нибудь, а она их заметила. Вот они и взялись за неё...

–Так чего ж не убили-то? – чуть не подпрыгивал перед ним Хмарик, маленький никчёмный мужичонка, самый большой должник лавочницы.

– А кто ж знает? – пожал плечами Маслай. – Может, посчитали, что убили, а может, испугались того, чего натворили и в бегство ударились. Вон, даже ножей с собой не взяли. ... Погоди, вот Кемач возвратится, он быстро их отыщет, с харайшинами-то. Никуда они не денутся...

–Да пока твой Кемач вернётся, они уж за рекой будут! – горячился Хмарик. – С нас Кемач спрашивать будет, с нас! Так что кто как, а я, пожалуй, тоже в лес уйду. Лес он и укроет и прокормит. Вот прям щас и отправлюсь...

–Иди, иди, дурачок! – засмеялся их третий собеседник, однорукий мужик с большими весёлыми глазами. От него ощутимо тянуло запахом выпитого недавно вина, но он твёрдо стоял на ногах, положив свою единственную руку на плечо Хмарика. – Нам же проще будет перед Кемачем оправдаться!

–Это ещё почему? – задиристо спросил Хмарик.

–Сам подумай, дурная голова! Кто в слободке больше всего Валваль должен? Правильно, ты! А кто из слободки в лес убёг, не дождавшись пока правда всплывёт? Правильно, тоже ты! Значит и спрос весь с тебя!

Староста недовольно зыркнул на однорукого. Предложение Хмарика было очень кстати и если бы не выгорело дело с поисками Тита и Таверя, действительно можно было свалить всё на этого пустышку-мужичка, по которому никто и не заплакал, если что. Да и Кемач мог поверить... Пусть бы шёл себе. Так нет, надо ж было этому недоделку ввязаться...

–Маслай! Маслай! – рядом остановилась запыхавшаяся дворовая девка лавочницы. – Валваль в себя пришла! Горит вся и тебя требует! Бегом, говорит, чтобы... И ещё она спрашивает, не приходил ли в слободку чужак?

–Какой ещё чужак? – раздражённо откликнулся староста. – Тут своих-то сыскать не можем, что уж про чужих говорить...

–Так есть чужак, – неожиданно встрял в разговор один из мальчишек, вертевших под ногами. – Он недавно пришёл, сейчас в крайнем дворе больного смотрит...

–Знахаря, никак, занесло? – обрадовался староста. – Это ж хорошо! Глядишь, он и Валваль на ноги поставит. А то Осиня, лекарка наша, может её раньше смерти на костёр погребальный загнать.

Послав мальчика за чужаком, Маслай скорым шагом направился к дому лавочницы. Войдя внутрь, он поправил рубаху и степенно прошёл в комнату Валваль. Увидев её, Маслай ахнул про себя. Валваль лежала на животе, её спину покрывало множество жеванных листьев прилипы. Как раз в тот момент, когда вошёл староста, дворовая девка осторожно счищала старые листочки с огромного, протянувшегося во всю спину багрового рубца и ещё одного, поменьше, пересекающего первый. Ладони, локти и колени лавочницы были туго стянуты повязками, под которыми лежала та же жеваная прилипа. Старая Осиня, исполняющая в слободке роль знахарки, тихонько дремала возле кровати, посчитав, что выполнила всю свою работу. Ещё три

слободчанки вертелись тут же, с жадным любопытством смотря на происходящее и, больше мешаясь, чем помогая.

– Пришёл? – задыхаясь, глухо произнесла Валваль. – А чужак? Где чужак?

– Послали за ним, – наклонившись, проговорил Маслай. – Я как чувствовал, знахаря пригласил из Порядья, вот он и пригодился!

Староста горделиво выпрямился, свысока посмотрев на окружающих его женщин. Те, переглядываясь, закивали головами, втайне восхищаясь прозорливостью Маслая.

– Лжешь! – проговорила Валваль. Хотя её голос был тихим и постоянно прерывался, это короткое слово услышали все. Маслай открыл, было, рот, но Валваль опередила его: – Не знахарь это... Колдун... Где он...? Быстрее же...

Услышав про колдуна, женщины заохали, прикрывая рты руками. Одна за другой они незаметно покидали покои Валваль, чтобы избежать встречи с тем, кого почему-то очень хотела видеть лавочница. Даже служанка прекратила покрывать спину хозяйки свежими листьями и стала пятиться к двери. Единственной, на кого эта весть не произвела никакого впечатления, была Осиня, которая открыв один глаз, сонно произнесла удивительно густым голосом, почти басом: – Колдун? Заня-я-я-тно... – после чего опять погрузилась в дрему.

Колдун появился, как и подобало магу: быстро и почти бесшумно. Хмуро посмотрев на лежащую Валваль, он провёл рукой по коротким седым волосам и, обращаясь к побледневшему старосте спросил: – Это ты звал меня?

Маслай замотал головой и указал на кровать. – Так-с, – сказал маг и снял с плеча свою сумку. – Всё это, – он указал на разбросанные листья, – убрать. Ей они ещё нескоро понадобятся. Тут посерьёзней кое-что надобно...

– А я о чём? – не открывая глаз, неожиданно пробасила Осиня. – Разве ж это припарки для такого увечья? Так им же срочно подавай. Даже не дали мазь приготовить, сюда приволокли...

– Так лечили же, – растеряно произнёс Маслай. – Всегда помогало вроде...

– Несомненно, – так и не открывая глаз, произнесла Осиня. – Это когда ты в нужнике голый жо... задницей на занозу сел, тогда да, тогда помогло. Правда, ты потом в нужник две седмицы не ходил, боялся. Весь скотник у себя загадил...

– В пользу пошло! – огрызнулся староста.

– И то правда, – согласилась с ним знахарка. – Сорник такой вымахал, что под ним от дождя прятаться можно было, ... если конечно не вляпаешься ни во что.

Слушая их перебранку, колдун одновременно готовил своё снадобье. Открыв одну из склянок, он осторожно поставил её на стол.

– Мудро, – втянув в себя воздух, согласилась Осиня. – Только одно это не поможет...

– Несомненно, – повторил её словечко маг, улынувшись. – Так ведь мы добавим кое-что...

Рядом с первой склянкой, он поставил вторую, гораздо меньшую по размеру, с широким горлом, наполненную ядовито-зелёной массой. Отковырнув пробку, плотно прикрывавшую сосуд, он опустил в него широкую гладко выструганную палочку и, подцепив немного массы, опустил её в глубокую плошку, которую незадолго до этого попросил принести.

– Однако! – открыла глаза Осиня. – Редко встретишь такой отменный гейтарь. Откуда, если не секрет?

– Лоэ, – ответил маг, выливая в чашку красную жидкость из первого флакона. В чашке забулькало, в воздух полетели крохотные брызги, зелёная масса зашипела и стала пузыриться. Однако это продолжалось недолго. Вскоре всё стихло, и в чашке осталась однородная смесь бурого цвета.

– Пусть постоит чуток и потом на рубец тонким слоем, – понюхав содержимое и немного помешав его той же палочкой, сказал новоявленный лекарь. – Раз в день достаточно и так до

полного исцеления. А вот это, – он достал из сумки маленький шарик, заботливо завернутый в тряпочку, – нарезать мелко-мелко, по одной крупнице растворять в воде и давать каждое утро. Первую дозу можно сейчас.

– Палечник. Намного лучше, чем маракой пичкать, – кивнула Осиня. – Я б тоже с него начала, да только нету. И толлей нету, чтоб в Заречье на торговнице съездить. Откуда их взять-то, если всё за долги в лавку уходит...

Несмотря на грустный тон знахарки, колдун улыбнулся, словно припоминая что-то. Убирая склянки обратно в сумку, он будто невзначай, поинтересовался у Осини: – А горный мёд можно достать? Ну, чтоб без толлей?

– Да ты что? – гулко рассмеялась та. – Разве ж без толлей горного мёду дос...?

Она внезапно умолкла, так и не договорив и, прищурившись, посмотрела прямо в глаза колдуну. Тот ответил ей спокойным, чистым взглядом, затем еле заметно подмигнул и вновь занялся своей сумкой.

– Скоро вы там? – прохрипела Валваль. – Колдун, помоги! Умираю...

– Раньше времени не сдохнешь! – неожиданно жёстко ответил маг и выпрямился. – Что-то ещё?

– Да... да! – забила на кровати Валваль и тут же застонала от нестерпимой боли.

– Спокойно, – сказал колдун и, протянув руку над пульсирующим рубцом, медленно повёл ею, бормоча какие-то слова. Когда он закончил, Валваль дышала уже гораздо ровнее, и голос её уже не был таким глухим.

– Пусть все уйдут! – сказала она. – Останется только ты, колдун, и староста.

– Что ж, – вставая, заскрипела табуретом Осиня, – я и так тут больше не нужна...

– Подожди, – маг протянул ей склянку с гейтарем. – Держи. Такого даже в Порядье не купишь.

– А ты?

– Ещё есть, – усмехнулся маг. – Да и там, куда я отправляюсь, гейтарь не так дорог.

Прижав склянку к груди, Осиня шагнула было за порог, но остановилась и вновь посмотрела на колдуна. Дождавшись его ответного взгляда, она медленно, с нажимом произнесла, кивнув в сторону вздрагивающей спины Валваль: – Всё правильно! Затем тоже подмигнула магу и добавила: – Сбереги девчонку – то! Ей и так в этой жизни досталось!

Маслай так и остался в уверенности, что Осиня говорила про стонущую лавочницу.

На крыльце Осиня столкнулась с Хмариком, буквально взлетевшим навстречу. За оградой были видны ещё мужики, торопливо шагавшие к дому Валваль.

– Посижу, – сказала себе Осиня и, пройдя под окна комнаты Валваль, уселась на деревянный чурбак, по привычке закрыв глаза. Она не спала, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в покоях. А там творилось что-то странное.

– Нашли! – ворвавшись в комнату, Хмарик чуть не сбил с ног старосту. – И Тита и Таверя нашли!

– Где?

– Там же где и рабыню ту, Рини, помнишь? В том же самом месте! И опять зверь! У обоих глотки разорваны от уха до уха. И ещё Нешка с сыном пришли, – зашептал он на ухо старосте. – Говорят Кемач того, помер... и харайшины его тоже... Вот я и...

– А-а-а! – заорала Валваль, вновь забившись в постели. – Скорее, Маслай! Гони этого в шею! Гони!!!

Хмарик удивлённо посмотрел на молчащего колдуна и сам пошёл к выходу. Прикрыв за собой дверь, он тихо сказал подоспевшим слободчанам: – Заворачивай, мужики! Велено всем проваливать отсюда! Совсем умом лавочница тронулась от такого лечения. Вот тебе и знахарь...

Раздвинув собравшихся, он пошёл в придомную, а следом за ним потянулись и остальные.

–Мы одни, – подал голос маг, присушившись к удалявшимся шагам. – Так что ты хотела?

–Сейчас, – лавочница приподняла голову. – Маслай, пойдёшь на скотник. Там, в дальнем сарае, за плетёнкой с красницей, дёрнешь сучок в стене. Потом снимешь доски, найдёшь и принесёшь увраж домовой с записями. Всё...

Валваль выдохнула и опять упала на постель. Неуверенно кивнув, Маслай направился туда, куда сказала лавочница. Отодвинув корзину, он подёргал торчащий из стены сучок и услышал, как под полом зашуршала задвижка. Сняв две короткие половицы, староста увидел довольно просторную ямку, заботливо выложенную деревянными же дощечками. Большая книга, обёрнутая несколькими слоями рыбьей кожи, покоилась на дне. Такие были в каждом доме. Увражи хранили всё, что происходило с обитателями подворья: смерти и рождения, радости и горе. По ним можно было проследить жизнь рода от постройки дома, до его продажи или полного запустения. Но занести новую запись в книгу мог только староста. Запись, сделанная другой рукой, считалась недействительной и не признавалась в случае какой угодно тяжбы.

Увраж дома Валваль был ещё не старым. Это подворье было построено Пишотом и именно с него начинались записи. Взяв его в руки, Маслай заметил в глубине укывища железный сундучок. Посмотрев на него, Маслай заколебался, но пересилил себя, и, уложив половицы обратно, отправился в дом.

–Принёс? – спросила Валваль, едва заслышав его шаги. – Открывай, ищи запись про Мингу. Быстрее!

Лавочнице вновь становилось хуже. К счастью, подоспело питьё, которое обговорил ей колдун. Несколько мучительных мгновений все ждали, пока Валваль примет микстуру. Кое-как выпив снадобье, она уронила голову, терпеливо ожидая пока староста отыщет искомое.

–Вот оно, – медленно произнёс Маслай, отодвинув книгу подальше от глаз. – Читаю: «Минга-дочь Рини, невольницы. Отец неизвестен. Имущество Валваль, лавочницы».

–Меняй, – тяжело дыша, проговорила Валваль.

–Как? – растерялся староста.

–Колдун поможет. Да скорее вы! Меня от твоего зелья, чудодей, в сон клонит... Эй, кто там за дверью? Принадлежности для письма сюда! Живо!

Маг подождал, пока дворовая девка принесёт требуемое, а затем, наклонившись над указанной старостой строкой, провёл над ней пальцем. Написанное исчезало, будто его и не было на этом месте. Осталось лишь начало: «Минга-дочь Рини...» Это и прочитал вслух Маслай.

–Пиши, – скомандовала Валваль. – «Минга – дочь Рини, знахарки... Что застыл? – крикнула она на старосту. – Рини в нашей жизни знахаркой была, точно знаю! Дальше пиши: ...-и Зубаря, вольного слободчанина, мужа Валваль, лавочницы, дочери Пишота». Написал?

Староста старательно выводил кривые буквы. Вскоре он закончил и с огорчением посмотрел на написанное. Свежие чернила сильно выделялись среди остальных записей и закрыть увраж, до того как они высохнут, было невозможно. Даже и потом корявые строчки не походили на другие, были бы ярче и сразу бросались в глаза. Оттого, любой любопытный, сунувший в книгу нос, мог сказать, что запись про Мингу была занесена позже остальных, а значит, подделана. Однако это не смутило чародея. Повернув ладонь, он будто собрал в горсть что-то с книжного листа, и надпись начала стремительно бледнеть, стариться прямо на глазах у Маслая, пока не стала неотличимой от других.

–Всё, – дрожащим голосом произнёс староста. Услышав его, Валваль расслабилась и успокоено забормотала: – Вот и всё, уже всё... Маслай, ты там распорядись насчёт платы целителю. Денег там, еды... Живее!

Староста направился было к двери, но замялся, услышав слова лавочницы.

–Ну, колдун... выздоровею я теперь, как считаешь? – прерывисто говорила Валваль.– Уеду... отсюда, сойду с крепким купцом,... нарожаю детишек...

Она говорила всё медленнее и медленнее. Было заметно, что забытьё постепенно овладевает ей, даёт временную передышку её израненному телу и измученной душе. Но колдун не дал ей сразу провалиться в спасительный туман беспамятства. Расслышав последние слова лавочницы, он с неприятной ухмылкой произнёс: – Насчёт детей, ты ошибаешься, Валваль! Ни будет их у тебя, хоть здесь, хоть за сотни вёрст отсюда! Раньше надо было думать, когда безвинную душу из себя травила!

– А... – будто задохнулась Валваль. – И это знаешь...Ну да, ты ж от них... Ты уж попроси, что б простили! Хорошенько попроси!! Так, чтоб поверили!!! – выкрикнула Валваль и, обессилев, обмякла, провалившись в глубокий, лихорадочный сон.

Ничего не понимая, Маслай переводил недоуменный взгляд со спящей лавочницы на спокойное лицо колдуна. – Про кого это она... – начал он, но чародей бесцеремонно перебил его, не обратив внимания на потуги старосты:

–Позови кого-нибудь. Пусть ей спину смажут, пока спит. И не забудь увраж на место вернуть. А мне пора...

–А как же лечение? – затоптался нерешительно Маслай. – Вдруг ей хуже станет?

–Не должно, если всё правильно делать, – мотнул головой колдун.– Знахарка ваша проследит.

–Проследит она... – недовольно протянул староста и самокритично добавил. – Это ж тебе не занозу пользоваться...

Колдун, внимательно посмотрел на него, подошёл и, взяв одной рукой старосту за пояс, резко придвинул к себе. Его чёрные глаза уставились на Маслая, и тот почувствовал, как у него начали подрагивать ноги, а внизу живота внезапно появилась срочная потребность выйти до ветра.

–Знахарка ваша очень сильна, – медленно проговорил чародей. – Ей место не в вашем захолустье, а в большом городе. Осини просто помогать надо, травы собирать, покупать ингредиенты разные, снадобья готовить. Вот ты, как староста, этим и займись. А я навещу её как-нибудь, поговорю, – с нажимом произнёс он, чуть ли не в ухо Маслая.– И если увижу, что всё по–прежнему...

Колдун оттолкнул старосту и тот, не удержавшись на ногах, уселся на табурет. Маслай не видел, как маг покинул комнату. В его ушах всё ещё стояли последние слова знахаря-чудодея, а перед глазами стояла картина, видимо, тоже навеянная колдуном. В ней старосте отводилась очень незавидная роль, он даже машинально схватился руками за уши, которые в его видении чернели и отваливались ему под ноги. Постепенно морок исчезал, но и того, что увидел Маслай, ему вполне хватило. Несколько раз глубоко вздохнув, он поднялся на дрожащие ноги и, взяв увраж, поплёлся к выходу. Поймав в соседней комнате служанок, он передал одной распоряжение колдуна, а второй велел отблагодарить знахаря. В другое время Маслай вряд ли кому доверил копаться в закромах лавочницы, но здесь был особый случай. Всё ещё полностью не придя в себя, староста вышел на скотник. Привычно проигнорировав нужник, он облегчился прямо за углом, и, завязывая пояс, побрёл к дальнему сараю. Там никого не было и, вынув доски, Маслай уже было положил увраж на место, но таинственный сундучок притягивал его взгляд. Ещё раз оглядевшись, он, кряхтя, встал на колени и вытащил скриню на пол. Сундучок был заперт лишь фигурной задвижкой и, отперев её, староста открыл крышку. Перед ним оказалось разделённое на две части нутро. В каждом из отделений лежали свитки. Взяв один из них, староста развернул его и увидел чёткий почерк Шичи. Свиток содержал сведения об имуществе Валваль. В остальных было то же самое. Положив их на место, Маслай вытащил свиток из другого отделения. Написанное там, заставило его нервно сглотнуть. Это была «хвостовая» – список должника с проставленными суммами долга и заложенными в

лавке вещами. Лихорадочно выхватывая и разворачивая свитки, Маслай, наконец, нашёл, что искал. Это была его «хвостовая». По ней третья часть собранного им урожая в течение двух лет отходила лавочнице. Там же был полный перечень угодий старосты, его домашней скотины и утвари. Сминая и комкая пергамент, Маслай записал свиток себе за пазуху. Опустив крышку, он собирался поставить сундучок в укывище, когда услышал хруст. Поняв голову, он увидел давешнего мальчика, сообщившего ему о колдуне. Тот сидел на длинном, вытянутом вдоль всей стены высоком ларе с фуражом для скота и, болтая ногами, с удовольствием грыз крутобокую, наполненную соком красницу.

–Хреновый из тебя воришка, – с набитым ртом сообщил старосте мальчуган и, спрыгнув с ларя, подошёл к стоящему согнувшись Маслаю.– Первый раз, что ли? – сочувственно спросил он.

Маслай неуверенно кивнул.

–Кто ж так тырит? – возмутился малец. – По одной ты до ночи таскать будешь.... Бери всё разом, пока хозяева не видят!

Словно во сне староста снова достал скрыню и, взяв её под мышку, направился к выходу.

–Стой, дурак! – догнал его детский голос.– Сундук-то тебе зачем? С ним спалиться проще, его ж хозяева в первую очередь хватятся, а так стоит он и стоит. Надо хватать то, что внутри хранится! – авторитетно добавил малец.– Давай шустрой, я помогу...

Посмотрев на него, староста поставил скрыню на пол и, открыв крышку, стал осторожно вынимать из неё свитки. Мальчишка не отставал, зачем то, разворачивая каждый пергамент и даже порой вырывая свитки из рук Маслая. Как-то между делом, все хозяйственные записи скопились в его руках, а «хвостовые», за исключением одной попали за пазуху старосте. Наконец, они прекратили своё занятие. Довольно кивнув, мальчишка сообщил стоящему Маслаю: – Похож, всё взяли. Глянь-ка, на скотнике никого нет? Тихо только!

Маслай осторожно подкрался к двери и выглянул наружу, оттого и не увидел, как странно повёл себя его неожиданный помощник. Быстро записав за пазуху несколько свитков, малец сложил остальные в скрыню и закрыл её на крючок, после чего шёпотом окликнул старосту: – Ну, что там? Пусто? Это хорошо, это нам повезло! Так, давай сундук на место... теперь увраж кладу. Доски эти, что ли? Тоже на место их... Чего говоришь? Сучок повернуть надо? Так верти! Плетёнку, плетёнку не забудь сверху поставить. Т-а-ак... Ну, вроде всё, – малец удовлетворённо отряхнул ладони и недоумённо уставился на старосту:– Чего застыл-то?! Бежим!!!

И Маслай побежал. Побежал так, что мальчишка даже опешил в первые мгновения. Высоко подбрасывая колени, хрипя, староста нёсся по скотнику, напоминая старого рогаля, выведенного на улицу и внезапно вспомнившего молодость. Под ногами хлюпал навоз, он дважды упал, но упорно вставал и продолжал своё паническое бегство. В глазах уже мутнело, когда он увидел, обогнавшего его мальчика, заботливо раздвинувшего перед старостой две доски в тыне. К ним и устремился Маслай. С трудом протиснувшись, сильно ободрав себе плечи и щёку, староста тут же уселся на землю. Ноги не держали, сердце готово было выскочить из груди. Ему не хватало воздуха, в глазах прыгали «мушки», но он разглядел заботливо разведённый костерок. Возле него уже припрыгивал малец.

–Кидай! Сюда всё кидай! – прикрикнул он на Маслая, указывая на огонь. – Эх, так и знал, что с тобой вляпаешься, да жалко тебя стало! Ты ж в скотнике такого натворил, что найти нас по следу даже слепец сможет! А так хоть с пустыми руками будем! Да не тяни ты, дурак старый! Я своё сжёл уже!

Маслай кивнул головой, но продолжал сидеть и тогда малец бесцеремонно запустил руки ему за пазуху. Он вытаскивал свитки, и швырял их в костёр. Делал он это старательно, и вскоре всё было кончено. Костерок, более не получавший пищи стал угасать, ещё пытаясь выкинуть огненное коленце в отдельных местах, но постепенно смирился со своей участью и потух. Малец старательно разворошил пепел палкой и, подмигнув старосте проговорил: – Успели,

похож. Теперь по щелям и тихарится до поры. Ты куда? Домой? Хорошо, только попетляй для начала, след попутай. Меня не ищи, сам тебя найду. Держись меня, я из тебя приличного воришку сделаю, – покровительственно закончил мальчуган. – Ну, что, разбежались?

Малец повернулся и приготовился шмыгнуть в кусты, но внезапно остановился и шепнул старосте: – Ты только это... дома переоденься, что ли... А то воняет от тебя-я-я... и эту одёжку тоже сожги, что б наверняка, – шепнул он напоследок и исчез. Лишь листва, покачавшись, помахала ему вслед. Маслай посидел ещё какое-то время, затем, с трудом поднявшись, направился было к своему дому. Но вспомнив слова мальчонки, тут же повернул в сторону рощицы, охватывающей полукругом подножье холма. Немного поплутав в ней и, к своему облегчению, никого не встретив, Маслай прокрался к своему подворью. Через скотник он проник в дом и, запершись изнутри, лихорадочно стал стягивать с себя рубаху. Скинув её, староста взялся за пояс, но тут же опустил руки. Жечь, крепкое ещё бельё, было жалко. «Отстираю его и всё, – думал Маслай. – Мало ли что этот пащенок говорил! Да и вообще, кто он такой?! Что-то не вспомню никак, чей сынок... Ничего, ничего. Вот погоди, приведу себя в порядок, пройду по дворам и найду. Ухи оборву и плетью приголублю!»

Маслай распалил себя, одновременно набирая воду в большой бочонок, стоящий в тёмной придомной. Забравшись туда, он быстро натёрся помывком и, окунувшись несколько раз, вылез на доски пола, залитые расплёсканной водой. Одеваясь в чистое, староста уже кипел, представляя, как он хлещет по заднице орущего паршивца. Но что-то мешало ему в полной мере насладиться видением будущей мести. Он мучительно пытался понять, «что» и наконец, Маслая осенило. Мысль плавала на поверхности, никуда не пряталась и была простой, как роголиная лепёшка на дороге. Малец тогда не станет молчать и вся, позорная для старосты сторона преступления, выползет наружу. И если местные слободчане, вряд ли поверят бредням какой-то мелюзги, то стражи и дозначки, за которыми ещё с утра послали в Порядье, слушать будут всех. Может, и они не примут слова пащенка всерьёз, но вот толлей, чтобы умаслить приезжих, потратить придётся немало. Так что лучше молчать, никого не искать, а потом, когда кражу обнаружат, свалить всё на пожранных зверем Тита с Таверем. Он, конечно тоже в укывище лазил, но сундучок не трогал, и что там внутри лежало, в глаза не видел. Так что малец ещё и правильно подсказал Маслаю, скрывать на месте оставить. Потому и злиться на себя одного придётся: не полез бы в сундук, ничего бы и не было.

Успокаивая себя, староста вышел на крыльцо. С холма, от дома Валваль спускалась малая телега, запряжённая парой аноп. Правил ими Нешка, которому видно велели подвезти пришлого чародея. «Пусть катиться, – с неприязнью подумал староста. – Не было у нас колдуна и не надобно, справлялись же как-то...» Он даже отвернулся, потому и не увидел, как медовник попридержал аноп и в телегу запрыгнула маленькая фигурка, удивительно напоминающая того парнишку, что обучал Маслая азам воровства. Когда ж староста повернулся обратно, телега уже скрылась за холмом и лишь пыль поднималась на том ответвлении Песчаника, что вело к недалежному лесу.

Темнело. Лохмоть разводил костёр, а эльма и Грошик осматривали содержимое плетенца, который Куну выдали вместе с телегой. Мальца не отправили в Заводь, вместе с Шичей и Мингой, после того как Кун сообщил спутникам о своём открытии. Юллин логично подумала, что отсутствующий так долго Грошик, невольно привлечёт внимание подручных Переплюя, а то и Бура. Его могли взять в оборот и под пытками развязать язык. Соответственно, пострадали бы и Минга с Шичей, и Касам с Араей, но самое страшное было в том, что Грошик мог вывести дозначников на Ивию.

– Она видно была тогда в той ложбине, куда свернул умирающий Талит, – говорила эльма. – Он успел отдать ей мешок с небесником и сказал, куда отправили цепь. Что-то типа: «Цепь в Безлюдье» или «Цепь отвезли в Безлюдье»... Ивия, конечно, ничего не поняла, но убежала, тем самым сумев спасти камень от посланцев Бура. Скорее всего, она потом осмот-

рела вещи, лежащие в мешке, но если и взяла что-то оттуда, то лишь самое необходимое для себя...

–И, скорее всего, забыла об этом, – перебил её Кун. – Но позже, гораздо позже, она услышала от кого-то о ниммоне и о том, что он обитает в Безлюдье...

–Тогда и нарисовала срез с цепью, – добавила Юллин. – Похоже, так оно и было. Понятно теперь почему Грошик должен оставаться с нами?

Её спутники покивали и, после этого, Лохмоть подозвал Шичу, который томился в неизвестности, пока они обсуждали своё неожиданное открытие.

–Грошик остаётся! – огорошил его Лохмоть. – Нельзя ему в Заводь... пока, по крайней мере.

–А я? – тут же влезла Минга. – Я тоже с вами?

–Нет, милая, – ответила ей эльма и присела на корточки возле девчушки. – Ты отправишься с Шичей. Ему же там нужна будет помощь? Да приглядеть за нашим домом, – Юллин посмотрела на своих друзей, – тоже кому-то надо. Касам с Араей уже в годах. Им трудно всё самим да самим...

–И твоя мама там, – задумчиво проговорила Минга.

–Может быть, – вздохнула Юллин. – Но боюсь, что она уехала.

–А я думаю, что нет. Она дома и ждёт тебя. Мы вместе будем ждать, – упрямо заявила Минга и тут же спросила: – А пока мы ждём, она меня будет учить рисовать?

– Конечно, – эльма потрепала Мингу по волосам и вновь наткнулась на нити росы. На этот раз она не отдернула руку, а провела по ним пальцами.

–Отдай их мне, – попросила Юллин. – А тебе Шича новые нити купит.

–На память? – серьёзно спросила Минга и тут же стала выплетать обереги.

–Вот, – протянула она их Юллин. – Только пусть мне Шича не покушает ничего. Ты мне привезёшь.

–Обещаю, – тоже серьёзно сказала эльма.

Вскоре, получив ото всех последние наставления, Шича и Минга отправились в путь. Минга несколько раз обернулась и всё же дождалась своего. Неуверенно, стараясь, что бы это не бросалось в глаза другим, Грошик коротко махнул ей вслед. Увидев его взмах, Минга показала Грошику язык и рассмеялась, а мальчишка, ещё бы пару дней назад крикнувший ей вслед что-нибудь обидное, на этот раз лишь улыбнулся и покачал головой.

И вот теперь Грошик, наравне со всеми поучаствовавший в жестоком ночном представлении, доставал из заработанного Куном плетенца провизию.

– Поскупилась Валваль, – сказала ему Юллин, критично осмотрев выложенное. Взяв половину пышника и небольшой копчёный окорок рогалёнка, она отдала Грошику запечатанный кувшин и направилась к костру, где уже расположились все остальные, включая Нешку и его сына. Отрезав по ломтю пышника и такому же куску мяса, эльма раздала их по кругу и вместе со всеми принялась за ужин. Первым со своей порцией расправился огр и стал осматриваться, ища на земле веточку, чтобы поковыряться в зубах. Однако сын Нешки неверно истолковал его взгляды и осторожно придвинул к нему свою долю, к которой даже не притронулся.

Громовой хохот потряс лес. Грошик свалился со ствола, на котором сидел и, задрвав ноги, заливался смехом. Негромко посмеивался Кун, а вот Лохмоть и огр всю хохотали, время от времени толкая друг друга. Эльма тоже смеялась, глядя на ничего не понимающие лица слободчан.

–Ой, не могу! – вытерев слезы, проговорил Лохмоть. – Это ж он тебя подкармливает, Олбиран, чтоб ты на него не облизывался!

–Забери обратно, – тоже отсмеявшись, уже серьёзно сказал огр. – Не голодный я и вообще, мы то же самое едим, что и вы.

–Правда, немного поболее, – вставил знахарь. – Грошик, ты не ушибся?

Мотая головой, Грошик выбрался из-за бревна и уселся на место. Посмотрев в сторону слободчан, он ещё раз прыснул, но тут же прервал смех, с огорчением уставившись на свой недоеденный кусок, весь перепачканный землёй.

–Олбиран, ты добавку не хочешь? – с надеждой спросил он огра. Увидев его отрицательный жест, он нацелился было на порцию Нешкиного отпрыска, но тот оказался быстрее. Схватив свой кусок, он тут же запихал его в рот и так остался сидеть с выпученными глазами. Все опять засмеялись, глядя на расстроенного Грошика, но эльма уже отрезала новый ломоть, который протянула огорчённому мальчугану. Дождавшись когда тот поест, она оглядела всех и улыбнулась.

–Какие бы из нас потешники вышли! – сказала она. – Можно было бы по всей Обители ездить, представления выдавать.

–Если такие же, как здесь, то я только «за». Таких кровососок давить надо. И клейма такие вот ставить: во всю спину, да на всю жизнь – проворчал огр.– Правда, боязно немного. Я до сих пор прислушиваюсь к тому, как говорю...

–Надо же было, что б Валваль поверила, – ответил ему Кун. – Вот и пришлось тебе голос немного изменить.

–Да она и так бы ничего не поняла, – упрямылся Олбиран. – Я вообще думал, что она из дому не выйдет.

–На этот случай тоже заготовка была, – произнёс Лохмоть и плеснул из протянутого кувшина в свою походную чашку. Немного отхлебнув и подержав вино во рту, он сморщился, но всё же сделал глоток. – Ну и дрянь! – подвёл он черту под своими действиями.– Кун, тебя кто в дорогу собирал? Староста что ли?

–Не знаю, – сознался знахарь.– Когда я во двор вышел, телега уже стояла, с плетенцом внутри. Мужичок невысокий рядом вертелся, хотел меня отвезти. Но я его шуганул, надо было, что б Нешка со мной поехал.

–То Хмарик был, – нерешительно подал голос Нешка. – Плут известный. Скорее всего, тебе, барн колдун, другая награда причиталась, но Хмарик подменил. И не побоялся ведь... – изумлённо закончил медовник.

–Ладно, – отмахнулся Кун. – Давайте-ка о наших делах потолкуем. Грошик, свитки у тебя?

Малец кивнул и достал из-за пазухи три свернутых пергамента.

–Так, что тут у нас? – произнёс Кун. – Вот оно:– «Рини-рабыня. Куплена на Дубравном торговище у гоблина Ленига. Имущество Валваль, лавочницы». Это в костёр...

Свиток полетел в огонь. Немного полежав, он постепенно стал горбиться, съезжаться, пока не вспыхнул одной яркой вспышкой и не слился с другими языками пламени. Прошлое Рини сгорело без остатка, сгинуло в нетерпеливом и голодном огне, навсегда уничтожив позорное пятно не только в её жизни, но и в будущем Минги. И когда последний всполох окончательно стёр все следы пергамента, обоняния Юллин коснулся разлившийся над поляной аромат саеи. Невольно вздрогнув, эльма осмотрелась по сторонам и увидела такие же широко открытые глаза спутников. Кун опомнился быстрее всех и поклонился в ответ на благодарность Рини, приложив руку к сердцу. Запах цветов ещё немного постоял в ночном воздухе и постепенно стал рассеиваться, на прощание нежно погладив по щеке каждого, сидящего у костра, включая и Нешку с сыном, как бы прощая им всё.

–Продолжим, – смущённо откашлявшись, произнёс знахарь. – Это что? – он развернул следующий свиток и пробежал его глазами. Изумлённо присвистнув, он отложил его в сторону и взялся за последнюю «хвостовую»

–Ага! Это то, что нам нужно, – Кун поманил к себе медовника. – Узнаёшь?

Нешка невольно отпрянул.

– Да, да! И глаз не отводи! Твой это свиток, твой! И должен ты по нему Валваль столько, что впору вместе с сыночком в невольничьи ряды самим шагать! Свиток этот теперь будет у нас. Это чтобы у кое-кого соблазна не возникло, лишнего по слободке трепать. Понятно?

Медовник угрюмо кивнул.

– Это не всё, – вмешался Лохмоть. – Вы теперь с сыном во всём будете Валваль помогать. Как те, Тит с Таверем...

– И закончим также? – обречённо спросил Нешка.

– Смотря как вести себя будете. Главное смотрите, чтобы Валваль хозяйство не разбазарила. За порядком в делах. И ещё: через пару дней смотаетесь в Заводь. На Приовражном торговщице бывать приходилось?

– Конечно, – утвердительно кивнул Нешка. – Там и торгую в основном, когда есть чем...

– Во-от! – довольно прищурился Лохмоть. – Поедете продавать, да так, невзначай, обмолвитесь знакомым, что у вас тут колдун потрепали, незнамо кто. Главное, имя Шичи упомяните, как доверенного Зубаря. Поняли?

– Так, где мы товар-то возьмём? – развёл руками медовник. – Мы ж в лес давно уже не ходили...

– У Валваль заберёте, в погребах, – сказал, как отрезал Охотник.

– С собой Осиню возьмёте, – добавил Кун. – Вот, передадите ей, – он протянул Нешке мошницу. – Здесь немного, но на самое нужное хватит.

– А староста нам позволит, в погребах-то копать? – иронично спросил Нешка. – Как бы он нас стражам за такое не сдал!

– Позволит, позволит, – так же иронично усмехнулся Лохмоть. – А если заартачится, скажете ему, что не все свитки горят! Он поймёт... Ну, всё пора вам. Одну анопу выпрягайте, она у нас останется. Если кто спросит, скажете, что колдун отобрал, а спорить с ним побоялись. И ещё: скажете, что колдун тот, на реку отправился, что-то про Салин говорил, мельком так, вы толком и не поняли.

Дождавшись пока телега скрылась из вида, Юллин наконец-то позволила себе расслабиться. Она немного отошла от костра и, выбрав впадину между двумя корнями, начала готовиться ко сну. Эльма положила плащ, привычно бросила под голову мешок и сев, стала разуваться. У костра же раздавался голос Грошика, вспоминающего события прошедшей ночи.

– Правильно Юллин сказала! Все мы могли бы в потешники пойти. Какая из неё Рини получилась! А Олбиран! Ну, один в один Зубарь! Я, если бы не знал, сам бы поверил.

– Да и ты здорово Мингу показал, – похвалил его Кун. – Только если бы Лохмоть тех охранников не укокошил, вряд ли бы мы сумели так Валваль напугать.

– Да что я? – в свою очередь заговорил Охотник. – Если кого и восхвалять, так это тебя. Без магии ничего и не вышло бы. Какого ты холода во дворе напустил, бр-р! – Лохмоть зябко передёрнул плечами.

– А этих двоих как стоять заставил... в ошеях-то, – продолжал Грошик. – И Гарлин поучаствовал, знатно рычал!

Грошик попытался изобразить рычание грайса, но его перебил Лохмоть, задавший Куну вопрос, услышав который, эльма прекратила свои приготовления ко сну и вся обратилась в слух.

– Одного не пойму, Кун, – говорил Лохмоть. – То ты колдуешь, то нет. Это что, от твоего желания зависит? Как-то не так получается. Рассчитываешь на тебя, а ты даже пальцем не пошевелишь. Так в чём дело, знахарь?

– Смотрю, это не только тебя интересует, – спокойно ответил Кун. – Юллин! Чего затихла? Если уж хочешь послушать, иди к нам – не буду же я на весь лес орать.

Эльма усмехнулась, но подчинилась и вскоре они затаив дыхание слушали Куна. Чужих не боялись-Гарлин уже успел поохотиться и, посчитав, что его хозяйка и её друзья сегодня сами снабдили себя провизией, взял на себя обязанности по охране места их стоянки.

–Все вы живёте рядом с магами, – начал Кун. – Привычное дело, повседневное, скажем так. Но вряд ли кому из вас приходил в голову очень простой вопрос – а чего это маги постоянно кому-то служат? Ведь, казалось бы, чего проще, наколдовать себе кучу толлей и жить припеваючи. А можно сразу замок с толпой слуг и никаких проблем. Все перед тобой заискивают, все тебя бояться-не жизнь, а блаженство. Так нет же, маги едут в самые далёкие уголки, в самые глухие поселения, для того что бы заработать себе на миску похлёбки, дерутся на торговых местах за денежные места, опускаются до элементарного гадания... Отчего же это? И ещё одно. Вы все здесь-воины (ну почти все, – улыбнулся он, указав на себя и на Грошика). Участвовали в боях, жизнями рисковали... А зачем? На кой все эти армии, ратоборы, наёмники, если можно простой магией заставить противника погибнуть или на худой конец сдаться? Ну? У кого есть догадки?

Спутники знахаря переглянулись. Вопросы, заданные Куном действительно были очень просты, но вот ответы на них похоже относились к самой высокой степени сложности.

–Именно, – согласно кивнул маг, угадав их мысли. – О чём это я? Похолодало что-то. Олбиран, будь добр, подвинь это бревно поближе к огню.

Огр с готовностью привстал и одним махом передвинул здоровенный ствол.

–Хорошо, – довольно улыбнулся Кун, но постояв немного, растерянно посмотрел на костёр.

–Наверное, слишком близко. Жарковато,– уже виновато улыбнулся знахарь. Огр с готовностью встал, но Кун остановил его.

–Даже неудобно тебя опять беспокоить. Лохмоть, не поможешь?

Охотник досадливо посмотрел на растерявшегося друга, но подошёл к стволу и, напрягшись, в два приёма перетащил бревно обратно.

–Ты уж определись, – тяжело дыша, сказал он. – А то опять не устроит и будешь Юллин просить или Грошика. А они так быстро тебе место не приготовят!

–Вот, вот! – неожиданно ответил Кун на его высказывание. – Олбирану потребовалось всего одно усилие, тебе немного больше, а Юллин и Грошик провозятся ещё дольше. А всё почему? Потому что сила у вас всех разная. Так и с магией. У кого-то её больше, у кого-то меньше.

–Так сила есть у всех, – вставила Юллин.

–И магия тоже, – парировал Кун. – Просто кому-то она даётся сразу-как тебе острый слух – а кому-то надо её развивать упорными занятиями. Но и тогда нельзя будет сказать, что народился новый маг. Пример простой: Юллин, что ты видишь на том дереве? – он указал себе за спину.

–Дупло, – тут же ответила эльма, лишь бросив мимолётный взгляд в указанном направлении.

–А ты, Грошик видишь дупло?

–Оно высоко? – с сомнением ответил ему мальчуган, скользя взглядом по тёмному стволу.– Нет, – спустя мгновение грустно сказал он, – не вижу.

–Но ты же видишь дерево?

–Дерево вижу, – согласился Грошик.

–Юллин, подскажи ему.

Эльма наклонилась к уху Грошика и зашептала, указывая рукой куда-то вверх.

–Вижу! – вдруг завопил Грошик, проследив за её движением. – Вижу дупло! Оно и невысоко совсем...

– Именно, – покивал маг. – Кто-то может годами сидеть за книгами, слушать мудрых вещунов и внимать убелённым сединами колдунам, но без подсказки он ничего не сможет сотворить. Или же просто будет знать, как делать, но не будет знать, что из этого получится. Поэтому настоящих, сильных магов – единицы. И вот они являются как бы проводниками магии, получая её от небес, – Кун указал вверх, – и раздавая по окрестностям. Причём происходит это не по их воле, это самопроизвольно и как-то помешать этому никто не в состоянии.

– То есть чем дальше ты от такого мага, тем слабее твои способности? – удивилась Юллин.

– В каком-то смысле, – поклонился ей маг. – Но кроме таких чародеев есть и места, которые сами по себе порождения магии.

– Вирнея, – одновременно сказали Юллин и Лохмоть, а огр лишь кивнул головой.

– Да, – сказал Кун. – Они тоже вливают магию в наш мир, но пользоваться их даром нужно очень осторожно. Напор может быть таким сильным, что неопытный, неумелый колдун может не справиться со своим собственным заклинанием и вместо помощи накликают беду. Оттого такой магией (мы называем её дикой) рискуют распорядиться лишь немногие. Это либо очень уверенные в своих возможностях колдуны, либо загнанные в угол маги.

– Как ты, например? – уточнил Грошик, и Кун утвердительно кивнул.

– На острове у меня не было выхода, – просто ответил он. – Но постоянно черпать из этой струи я не захотел. Поэтому, друг Охотник, я и отказался вытворять что-либо на дороге к чаше.

– А в слободке? – спросил Лохмоть.

– Там попроще, – улыбнулся Кун. – На слободку идут два потока, слабенький от Заводи и мощный – от Вирнеи. Главным было различить их и воспользоваться тем, который безопасней. Потому – то слободским так не везёт с колдунами, помните, Шича говорил? Они сразу хватались за то, что было на поверхности, за магию Вирнеи. Но вот распорядиться ей толком не могли. А когда понимали, с чем им пришлось столкнуться, бежали оттуда, боясь, что слободчане прибьют их после нескольких неудачных чародейств. Шича мне порассказал кое – что, – рассмеялся Кун.

– Не отвлекайся, – попросила его Юллин, видя, что знахарь готов поделиться байками Шичи о неудачах своих предшественников.

– Да, – посерьёзней Кун, но снова улыбнулся, видя какое жадное любопытство написано на лицах его спутников. – Первой и, пожалуй, самой основной проблемой мага является то, что колдовство, как и любая другая способность, угасает со временем. Зрение слабеет, сбивается слух, руки и ноги отказывают, подводит память. Так и магия. Она просто иссякает, исчезает, и колдун становится обыкновенным жителем Обители, или какой другой земли.

– И когда это случается? – поинтересовался Лохмоть.

– У кого как. Этого никто не знает, – развеял руки, ответил Кун. – Всё зависит от того, как часто чародей пользуется своим даром и какой силы он у него. Поэтому маги и бьются за прибыльные места, понимая, что их способность может исчезнуть в любой момент. Копят на безбедную жизнь после исчезновения дара. А те, у кого таких возможностей нет, стараются наводить чары как можно реже.

– Поэтому тот маг в Троедомье выглядел таким измождённым, – догадалась Юллин.

– Несомненно. Бур видимо постоянно заставлял его колдовать, и дар был уже на исходе.

– А что он у него просил? – спросил Грошик и сам себе ответил. – Денег, небось, побольше...

– Ну, это вряд ли, – улыбнулся Кун. – Заставить мага проделать такое, никому не под силу.

– Почему?

– Невозможно, – ещё раз улыбнувшись, ответил знахарь. – Создать что-то из ничего – невозможно. Так же как превратить одно в другое.

– То есть? – насторожился Лохмоть. – Сделать из камня куст тебе не под силу?

–И никому не под силу, – ответил Кун. – Так же как превратить железный кругляшок в полновесную монету. Или просто создать их из воздуха. Хотя я могу внушить тебе, что вот этот высохший плод иглицы – драгоценный камень, но это морок и вскоре он исчезнет.

–То есть, когда на острове ты грозился превратить нас в квакушек...

–Я лгал, – безмятежно улыбаясь, проговорил Кун.

–А я ведь и правда, призадумался, – рассмеялся Лохмоть. – А ты, оказывается, у нас только пугать... Он хотел продолжить, но неожиданно квакнул, да так, что сам перепугался и прикрыл рот рукой, во все глаза глядя на знахаря.

–Ещё, – попросил огр, с любопытством смотря на Лохмотя, и тут же квакнул сам.

Эльма рассмеялась, а Грошик невольно заёрзал и вновь свалился на землю.

–Ну, хватит, – произнёс Кун и провёл рукой. Лохмоть осторожно кашлянул, а потом тихо выругался, ощупывая горло.

–Ты и с Ракушкой также? – спросила Юллин.

–А куда было деваться? Она и правда что-то знала, вот и пришлось ей внезапно приболеть... – Кун протянул руку и поднял Грошика.

–Любой из вас так может? – спросил ещё не отошедший до конца от шутки знахаря, Лохмоть.

–Почти, – кивнул Кун. – Хотя постепенно все распределяются, начинают заниматься какой-то одной формой магии, реже двумя или тремя. Отсюда и ведьмачки, маги-лекари, вещуны, чудодеи, колдуны – простые и чёрные...

–А это ещё кто? – полюбопытствовал огр. – А то я там, на дороге, Валваль про что-то такое сказал...

–Так не все ведь хотят жить по правилам, – усмехнулся Кун. – Кого-то не устраивает, что их дар ограничен, кто-то хочет сделать такое, что до него никто не мог... Вот и начинают они выделываться, творить незнамо что. Наделают бед где-нибудь своими заклятьями, хорошо если сами погибнут, а то ведь столько люда извести успевают! Магова Община следит, конечно, но иной раз и запаздывает с розысками. Вот помню, был такой чёрный колдун, Ахо. Сначала он благим делом занимался, смог сделать так чтобы рогали больше молока давали, другая домашняя живность больше приплода приносила. Его даже в Эслат призвали, в Магову Общину. Побыл он там недолго. Как раз в Новых землях порядок наводили, вот его и отправили туда, местных чародеев под руку Общине приводить. Но Ахо видимо посчитал, что может больше, чем от него ждут. Потихоньку начал свои изыски. Сначала на зверье пробовал, а затем и до люда добрался...

–Чего он хотел-то? – с любопытством спросила Юллин.

–Непонятно, – развёл руками Кун. – То, что нашли потом, мало что дало. И записей никаких не обнаружили. А сам Ахо погиб. Страшной кстати смертью. И глупой. Уж такой сильный маг должен был почуять приближение врага.

–Злыдни?

–Нет. Шонский выползок. А у него сами знаете, любой укус – верная смерть. Да и как иначе, если вместо крови отравы по жилам бежит, – сплюнул знахарь. – Так что укусил выползок Ахо и всё, только тело в жутких язвах осталось. И тут тоже загадка. Выползки обычно нападают, только если жрать хотят. А тут он даже не уволок добычу подальше в лес, словно напугало его что-то... или кто-то.

Живое воображение Юллин тут же нарисовало эту мрачную картину. Шонский выползок, мерзкая тварь, размером с Грошика и многочисленными ножками. Выползок был абсолютно слеп, но это не мешало ему находить свои жертвы. Обычно он жил в своём укрьвище, далеко от обитаемых мест и выбирался оттуда, только ведомый чувством голода. Несмотря на большое количество конечностей, выползки были медлительны и, не обладая никакими защитными средствами, кроме своего страшного яда, легко уязвимы. Посему они устраивали засаду.

Выбрав толстый ствол дерева возле звериной тропы, они заползали на него и принимали форму и цвет коры, создавая на дереве уродливый нарост, по которому внимательный глаз сразу мог определить их местопребывание. Так выползок мог ждать свою поживу несколько дней. Когда проходящая мимо живность свыкалась с таким изменением в привычном миреке и теряла осторожность, он нападал. Как верно заметил Кун, укусы этой твари в большинстве случаев были смертельными. Найдя по запаху умирающую жертву, выползок утаскивал её в свою нору и пожирал, после чего преспокойно дремал несколько седмиц, переваривая добычу. Ходящие же по Шону и другим областям Обители слухи о чудесных спасениях после укуса выползка, можно было пересчитать по пальцам, да и верить рассказчикам порой было сложновато. Скорее всего, Ахо тоже потерял бдительность...

Из задумчивости эльму вывел голос Лохмотя: – Ну, ладно. Будем считать, что многое прояснилось. Только Кун ты заранее предупреждай, можешь волшебничать или нет, а то попадёшь с тобой...

–А что насчёт войн? – перебила Охотника эльма. – Я в войске Лимея многих магов видела, но вот только в боях они и не участвовали почти. Почему так, а?

–Всё очень просто, – ответил знахарь. – Магия смерти (а именно такая применяется во время войны) очень затратная. Потому что уж слишком много объектов воздействия... – Кун огляделся и улыбнулся, увидев растерянно-изумлённые лица. – Слишком мудрёно?

Все не сговариваясь, кивнули.

–Ладно, постараюсь попроще, – почесал в затылке Кун. – Вот представь Юллин, что враги бегут на тебя по очереди, один за другим. У тебя лук. Скольких врагов ты уложишь?

–Столько, сколько стрел, – пожав плечами, ответила эльма.

–Стрел много, но и врагов много. Ты стреляешь, а они всё бегут и бегут. Тогда как? – хитро прищурился маг.

–Это что, армия придурков что ли? – пробормотал огр, но на него зашикали и он замолчал.

–Ну, наверное, стреляла бы, пока были силы, – неуверенно проговорила эльма, не слышавшая замечания Олбирана.

–А потом? – продолжал допытываться Кун.

–Убили бы. Или пленили, – мрачно произнесла эльма.

Во-от! – с удовлетворением произнёс знахарь. – И в чём смысл твоих действий? Красиво умереть? Или петь в плену героические песни? Может тогда о тебе кто-то и вспомнит! А теперь подумай, сколько бы врагов ты ещё сразила, если бы осталась жива и свободна? Если бы просто отступила, заняла более выгодную позицию, подождала подкрепления? Так и у магов. Когда колдун в бою готовит заклинание, он точно не знает, какое количество врагов ему предстоит уничтожить. А если к ним в последний момент кто-то ещё присоединится? Вот и творит он волшебство, такое по силе, чтоб предусмотреть все неожиданности. И чаще всего это его последнее заклинание! Теперь подумайте, что лучше – убить с десятков врагов и стать после этого абсолютно бесполезным, или понемногу применять свои силы в лечении раненных и спасти сотни жизней? А? Это первое.

–Есть и второе? – поднял брови Лохмоть.

–Есть. Магия отражения. Вы уже знаете, что любое магическое действие оставляет след. А сильный колдун может различить даже момент творения заклятья. И тогда он выставляет защиту, но такую, которая отбросит вражеское заклинание назад, к своему создателю. И вот ты творишь «всепожирающий огонь», а вместо обугленных трупов вражеских ратоборов, рядом падают дымящиеся останки твоих товарищей... Так нужна такая магия? – Кун медленно переводил глаза с одного спутника на другого.

Реакция спутников была разной. Юллин опустила голову, напряжённо что-то обдумывая, Лохмоть пожал плечами и лишь огр и Грошик отрицательно закрутили головами.

–Ну так как же? – продолжал настаивать Кун.

–А если и ты выставишь щит против его щита...? – начала было эльма, но Кун перебил её.

–Можно. Только в этом случае будут стоять два мага, как два столба посреди сражения и ждать пока у одного из них силы иссякнут.

Грошик прыснул.

–Ты чего? – посмотрел на него огр.

–Да так. Представляете, война закончилась давно, а они всё стоят и стоят. Высохли уже, одёжки поистрепались, до ветру хотят... – Грошик опять залился смехом. Неуверенно хохотнул Олбиран, улыбнулась эльма. Лишь Лохмоть морщил лоб, пытаясь найти брешь в умозаключениях знахаря.

–То есть всё вражеское войско, одним махом, заколдовать не получится? – уточнил он.

–Нет, – смеиваясь, ответил Кун. – В этом случае ты и сам иссякнешь и своих же союзников можешь уничтожить. Кроме того, заклинание может и не получиться или привести к неожиданным последствиям. Возможности-то у всех разные.

–А если объединить? Сразу несколько магов? И чтоб они вместе волшебство творили? – не унимался Лохмоть.

Кун вдруг стал очень серьёзен. Глядя на него притихли и остальные.

–И такое пробовали, – как-то неохотно проговорил знахарь. – Только теперь эту местность Безлюдьем кличут. Да-да, именно туда мы и направляемся, – кивнул Кун, увидев вопрошительные взгляды спутников. – Селиться там до сих пор боятся, хоть и прошло более сотни лет.

– Все погибли, да? – решил уточнить Грошик.

–Ладно бы только враждующие маги и воины, – удрученно сказал знахарь. – Люд стал вымирать, будто косой его косили. И длилось это очень долго. Ничего не спасало: ни великие знахари, ни попытки магов хоть что-то исправить. Заклинание было таким сильным и приняло такую форму, что разобраться в этом никто так и не смог. Потому и стали бежать оттуда, хотя места там плодородные – живи да радуйся. Постепенно разрослись леса, пруды и озёра превратились в болота и всё. Была прекрасная долина, и нет её.

–Так что получается? Для нас там может быть опасно? – уточнил Лохмоть.

–Сейчас уже не так страшно, – улыбнулся знахарь. – Но долго там находиться нам не желательно. Я имею ввиду осесть там, – опять улыбнулся он, видя как переглянулись спутники. – Ну, что, объяснил я вам азы магии? Или как?

–Понятно вроде, – кивнул Лохмоть, а за ним и все остальные

–Хорошо, – кивнул Кун. – Тогда ещё одно, если мы с вопросом о колдовстве закончили...

–Говори, – повернулся к нему Лохмоть, уже отправившийся было к своей подстилке.

–Вот в этой бумаге, – потряс свитком Кун, – говорится, что Кемач потерял почти всё своё состояние и задолжал Валваль огромную сумму. Посему в её владение переходит корабль – лодейник с названием «Беглец» без команды, стоящее на якоре в Предустье...

–Ох-х, – глубокий вздох огра заставил всех посмотреть на него. Держа в руке свой плащ, Олбиран во все глаза смотрел на знахаря, ожидая продолжения. Кун смущённо кашлянул и закончил чтение: – По указанному здесь, новая хозяйка Валваль, вступает во владение имуществом и вольна распоряжаться им лично, либо, – выделил слово Кун, – через доверенное лицо, чьи права подтверждаются данным свитком. Начертано в Предустье и заверено пристанным старостой и старостой слободки.

– До Громады морем быстрее, – как бы в задумчивости проговорил Олбиран. – Можно зайти в Коррор, прикупить припасов и через три-три с небольшим седмицы будем в Безликой...

–Предположим, – согласился Кун. – Но как нам управиться с «Бегльцом»? Из мореходов у нас только ты, да я немного походил вдоль берегов, только очень давно...

–Значит, корабельный лекарь у нас уже есть, – медленно проговорил огр и неожиданно спросил: – Лохмоть, моря боишься?

–Да нет, – неуверенно пожал плечами Охотник.– Пассажиром в тот же Коррор приходилось плавать...

–Пассажиром у нас будет Юллин,– ответил ему огр. – Надо же за грайсом ухаживать и лишний раз не позволять глаза мозолить. Грошик юнгой пойдёт...Согласен, малый?

Всем своим сияющим видом Грошик показывал, *как* он согласен.

–Ещё люд в команду нужен. Нанимать придётся, – озабоченно взъерошил короткие волосы Олбиран. – Толли у нас есть?

–Немного есть, – ответила Юллин, заглянув в кошель.– От Зубаревых щедрот остались. Половину я Шиче отдала, надо же им первое время как-то жить!

–Всё правильно, – успокоил её Кун. – Эх, видимо придётся нам ножками пробираться. Дольше конечно, да и опаснее...

–А если пассажирами на попутный корабль? – вмешался Лохмоть.

–Не выйдет, – мотнул головой Кун. – Юллин с грайсом вряд ли кто согласится на борт брать...Да-а, были бы деньги...

–Так есть же! – воскликнула Юллин и открыла свой мешок. – Как же я забыла? Вот, – она достала мешочек с браслетами. – Помнится, Лохмоть говорил, что на них корабль можно купить. Продадим в Предустье, ювелиру какому-нибудь...

–Не жалко? – сощурился Лохмоть, глядя на эльму. – Ивией, ведь, даренное.

–И что теперь? – с вызовом спросила эльма. – Это ж для дела. Нашего дела, от которого судьба её дочери зависит! Думаю, она бы мне разрешила так поступить. А насчёт «жалко»? ... Жалко, конечно. Какая красота!

Юллин осторожно одела один из браслетов на руку. Он был ей чуть-чуть великоват, но сидел удобно, словно был сделан под заказ.

–Давай второй одень! – прошептал Грошик.

–Нет! Боюсь, так жалко станет, что передумаю! – грустно пошутила Юллин. Она решительно сняла браслет и сложила его в мешочек.– Всё, порешили! А теперь давайте спать, а то глаза сами уже закрываются.

Она решительно повернулась и отправилась к месту ночлега. Оставшиеся у костра мужчины переглянулись. Лохмоть неожиданно толкнул Олбирана плечом и хитро улыбнулся, указывая подбородком на знахаря. Кун улыбнулся в ответ и шутливо погрозил пальцем. Ничего не понявший Грошик, на всякий случай тоже подмигнул всем и пошёл укладываться. Он уразумел, что у Лохмотя и остальных созрел какая-то задумка, но что это за замысел и к чему он относился, осталось вопросом. Немного поворочавшись от своих раздумий, малец неожиданно заснул, так и не разрешив эту проблему.

Команда «Беглеца»

Утро было изумительным. Ночью прошёл дождь и зной от поднимающего светила ещё не так ощущался в воздухе. С реки тоже веяло свежестью и поэтому Росчи, пристанный староста, пребывал в благодушном настроении. Толстенный, с кучерявыми, плохо слушающими гребень волосами, обрамлявшими продолговатую широкую лысину, он плохо переносил жару, которая царила на пристани Предустья почти круглый год. Оттого-то раннее утро и поздние вечерние часы были самым любимым временем пристанщика. Единственным исключением были дождливые дни, в которые жар светила спадал, что сказывалось на настроении Росчи.

Сегодня был как раз такой день. Ночной дождь был только предвестником грозы, надвигавшейся на Предустье. Уж что-что, а признаки непогоды Росчи знал прекрасно и от этого просто сиял, стоя у открытого окна. Дымящаяся чашечка настоя, с несколькими капельками домашнего вина, стояла на столе и Росчи нет-нет, да и бросал в её сторону масляный взгляд. Наконец, потянувшись, отчего его безрукавка затопорщилась на боках, он направился к столу,

по пути расправляя одежду. Усевшись на широкий табурет с подложенной на сидении толстой и мягкой подстилкой, он прищурился и отхлебнул содержимое чашки. Удовлетворительно покивав головой, Росчи взгромоздил босые ноги на скамеечку, специально сделанную для этой цели. Башмаки стояли рядом, а низко спущенное к полу покрывало стола, позволяло мгновенно и незаметно обуться. С наслаждением пошевелив пальцами ног, он ещё раз отхлебнул из кружки и уже полностью прикрыл глаза, наслаждаясь дуновением прохладного ветерка, струящегося из окна. Пристанщику абсолютно не мешал шум, царивший на пристани. С первыми проблесками зари началась разгрузка прибывших ночью кораблей, чуть подальше наоборот, «Гордость Коррора» загружался тюками с тканями, странники ждали баркасы, идущие вверх по реке, до Заводи. В самом конце пристанной территории был затон, в котором стояли лодки перевозчиков, переправляющие на другой берег Бели местных и привозящие оттуда желающих подзаработать на Дубравном торговище. Всё было как обычно, и поэтому Росчи мог позволить себе расслабиться. Звуки кутерьмы за окном были привычными, обыденными и он не обращал на них внимания. Должность пристанщика он занимал уже не первый год. Наладив ещё в первое время слаженную работу пристани, а также расставив повсюду своих людей, он мог смотреть на свои обязанности, можно сказать, вполглаза, но при этом ничуть не бояться за своё положение.

В отличие от Заводи, должность пристанного старосты в Предустье, была выборной и переизбиралась раз в два года. Несмотря на это, Росчи мог быть абсолютно спокоен. Да и как могло быть иначе, если его сестра была замужем за одним из самых богатых жителей Предустья, имеющего большой вес на любом собрании местной правящей верхушки. В своё время именно он предложил Росчи эту должность. Пристанщик, занимавший тогда место дознатчика, недолго думая согласился и не прогадал. Буквально на следующий день после избрания, два родственника встретились и обсудили своё дальнейшее сотрудничество, плоды которого и пожинал сейчас Росчи. За время его «хозяйствования» на пристани было построено две кашеварни (одна с жилыми комнатами, другая – без) и несколько складов. Само собой, что всё это принадлежало зятю Росчи. Кроме того, была выиграна долгая, изнурительная борьба с местными головорезами. Здесь уже своё веское слово сказал пристанщик. Прошлое дознатчика дало о себе знать и в один прекрасный момент, он предложил Лелюю, главарю всей этой коды, стать смотрителем за тем, что твориться на пристани. Под руку Лелюя отдавался довольно «жирный кусок» и тот, взяв на размышление целую седмицу, наконец, согласился. Головорез был далеко не глуп и, пораскинув мозгами, решил, что выиграть незримую битву с пристанщиком и его семейкой, он возможно и сможет, но это будет в очень отдалённом будущем, а хорошо жить хотелось уже сейчас.

Лелюю и так негласно правил на Дубравном торговище, но его бывшие доходы оказались ничтожными по сравнению с тем, что он стал получать. Кроме того, на него легла обязанность собирать налоги, распределять места под выгрузку и погрузку. Уже это давало ему необозримые возможности. Но Лелюю пошёл дальше. Взяв под руку нескольких своих бывших подручных, а остальных сдав без всякого зазрения совести властям, он очень быстро наладил своеобразный порядок на пристани. Отправить тяженош для выгрузки? Да, пожалуйста! Помочь с сохранностью груза? С большим удовольствием! Найти место на торговище? Иди-выбирай! Деньги текли в кошель Лелюя рекой, но когда однажды он заикнулся о том, что неплохо бы и ему войти в семейное дело Росчи, его грубо осадили. Очень грубо. Жестоко избитый стражами, он провалялся несколько седмиц в доме одного из местных знахарей. Во время лечения его навещил Росчи и объяснил Лелюю близлежащие перспективы. Бывшего головореза обирали до нитки и отправляли в острог. На его место уже имелась парочка кандидатов, из тех же его подручных, привыкших к сытой жизни. Или же... всё оставалось как прежде, но только доля Лелюя существенно сокращалась... на какое-то время. – «Так сказать возмещение убытков!» – хитро улыбался Росчи, и Лелюю ничего не оставалось делать, как согласиться.

С той поры более рьяного зрителя пристанщик ещё не видел. Лелюй так вошёл во вкус, что даже предложил Росчи небольшой доход, идущий только в мошницы старосте и самому зрителю. Предустье было, так сказать, воротами в море. Посему на пристани вечно околачивались мореходы, жаждущие наняться на какой-нибудь корабль. Они облюбовали кашеварню «Два весла» и проводили там дни и ночи в ожидании выгодного найма. Периодически в «Вёслах» появлялся какой-либо капитан, чья команда действительно нуждалась в пополнении, но из-за выгодных предложений мореходы затевали порой жестокие драки, вовлекающие в себя и люд за пределами кашеварни. Лелюй взялся решить эту проблему. Понемногу, постепенно, но он добился того, что теперь мореходы сами приходили на суда, нуждающиеся в новых членах команды, но...обладали этой возможностью лишь те, кто вносил в кошель людей Лелюя определённую мзду. Попытки же всех остальных жестоко пресекались, вплоть до внезапного исчезновения непокорного моряка. Поначалу корабельцы ещё кочевряжились, но вскоре в их буйных головах, созрела напрашивающаяся мысль, и они подчинились этим новым правилам. Их хаотичное блуждание по пристани упорядочилось, почти прекратились драки и Росчи вздохнул свободно: неприкаянные мореходы давно были его головной болью.

Самым ценным предложением у корабельцев были «возвраты». Такой корабль нанимал команду обычно на одно, максимум два плавания, так как хозяева корабля гнались за моментальной выгодой. Совершив рейс в Коррор или Лоэ, выгодно сбыв товар там и закупившись тем, что будет продаваться в Предустье, владельцы судна, по прибытию, распускали команду, до полной реализации привезённого. Корабельцы и не возражали. Торчать на пристани и быть привязанными к одному кораблю устраивало немногих. Платили «возвратчикам» неплохо, так как корабли – «возвраты» обычно находились в почти плачевном состоянии, и плавание на них было большим риском. Кроме того и само море подкидывало морякам различные сюрпризы. Пираты, стерегущие древние сосуды у выхода в Безбрежную Синь, порывистые ветры и громадные волны, битву с которыми выдерживали далеко не все. Но главной среди всех опасностей была, конечно, Она. Ею клялись, Её именем скреплялись сделки, а если корабль долго не возвращался, и выходили все сроки ожидания, значит всё – Она забрала. Те, кто хотя бы издали видел Её, пользовались в среде мореходов огромной популярностью. Их рассказы пользовались большим спросом в кашеварнях и поили такого повествователя почём зря!

Очередную такую байку травил сидящим за столом старый Раку. Слушали его правда не очень внимательно: эту рассказню Раку преподносил уже не первый год и даже со всеми мыслимыми и не мыслимыми дополнениями старого морехода, она несколько приелась, но в это прохладное утро просто нечем было пока заняться. В «Вёслах» ещё было почти пусто, безработные корабельцы подтягивались позже, отсыпаясь после очередной бурной ночи. Поэтому на двоих монахов из Светлой Семьи, скромно занявших стол в самом углу, никто и не обратил внимания. Лишь Уляк, управляющий кашеварней, позевывая, поставил перед ними две кружки с вином и два кулёчка со сладкими орешками – всё, что попросили пришедшие, – и вновь ушёл за перегородку, отделяющую едовую от кухни.

...и вот тогда, Она просто взяла их «скорлупку» за мачту, перевернула и потрясла...,- доносились до сидящих слова Раку. – Людишки так и посыпались в волны. Никогда не забуду!

–А ты сам-то? Сам-то где был? – жадно спросил один из слушателей. Раку промолчал, многозначительно покосившись на пустую кружку. Молодой, с едва пробивающейся бородкой мореход, крикнув, постучал по столу. Вышедший Уляк поставил ещё один кувшин, принял плату и тяжело вздохнув, остался. Управляющий понял, что Раку нашёл парочку «свежих ушей», у которых водились монеты, и сейчас вовсю заливался, потчужая своей небылицей наивных новичков.

–Так мы ж в стороне были, – дождавшись пока молодой корабель наполнит его кружку, степенно сказал Раку. – Сам подумай, дурья твоя башка, как бы я это всё тебе рассказал, если

бы был на том несчастном кораблишке? Мы шли с Коррора в Громаду, а они, видать, на архипелаг. Уж не знаю, чем они Её так разозлили, но уж лучше они, чем мы. Понятно?

Молодой неуверенно кивнул.

–И вот потом-то и началась самая жуть! – многозначительно произнёс Раку и отхлебнул вина. – Она голову задрала и стала в море опускаться. А пасть открыта! И вот туда, в эту самую пасть, вода и побежала. Закрутилась здоровенной воронкой! Уж на что мы далековато были и то нас потащило! Хвала небесам, когда то судно, которое Она терзала, в эту воронку ушло, сразу всё и стихло! Тут уж мы и дали дёру. До самой Громады, без передышки!

Раку ещё раз приложился к кружке и словно невзначай пододвинул её к кувшину.

–А как Она выглядит-то? – спросил ещё один мореход, ещё моложе первого, видимо только недавно вышедший из юнг.

Все затихли, ожидая слов старого корабела. Раку же не спеша сам налил себе вина, медленно выпил и, оставив кружку в сторону торжественно произнёс:

– Словами не передашь! Видеть надо!

Громовой хохот потряс кашеварню. Те, кто слушал рассказ Раку не в первый раз, затаив дыхание, ждали его этой коронной фразы. Два молодых корабела ошарашенно переглянулись и тот, что постарше вдруг потянулся через стол и схватил старого морехода за грудки.

–Напился за наш счёт, а мы и уши развесили! – крикнул он. – А ну, вертай деньги, балабол драный!

–Спокойно, малый! – один из сидящих за столом положил тяжёлую, всю исписанную татуировками, руку на плечо обманутого парня. – Тебя силком слушать никто не заставлял и вином угощать не просил. Так что, ты сам виноват и нечего тут кулаками махать. Лелята услышат и всё. Больше ты с напарником своим сюда ни ногой, да и не только сюда. Потому остынь.

Молодой было дёрнулся, но увидев мрачные глаза, смотрящие на него со всех сторон, что-то пробурчал и, отпустив даже не испугавшегося Раку, выпрямился, взяв с пола свой мешок. Поманив своего спутника, он демонстративно пересел за другой стол, оказавшись недалеко от монахов, мирно вкушающих свой скудный завтрак. Уляк тут же подошёл к нему и вопросительно посмотрел. По законам кашеварни сидеть за столом в едовой просто так было нельзя. Обязательно нужно было сделать хотя бы простенький заказ, но у мореходов видимо кончились деньги и старший из них, напрасно порывшись в кошеле, беспомощно уставился на варщика.

–Нет монет, оставляй залог! – проворчал Уляк. – И сиди хоть до Её прихода, упаси нас небеса!

–Залог? – пробормотал несчастный парень и перевернул мешок, высыпав на стол свои нехитрые пожитки. В куче, состоящей из смены скомканного белья, деревянной площадки, простого костяного гребня, и драного ремня, зоркий взгляд Уляка тут же заметил что-то блеснувшее, и бесцеремонно запуская руку в груды барахла, извлёк на свет ещё один гребень, бережно обёрнутый кожей. Эта вещица была явно подороже своего собрата. Тяжёлый, украшенный по спинке затейливым узором, с волнистыми зубцами гребень сам по себе был красив. Но ещё большего блеска ему придавал камешек, вделанный в середину спинки. Небольшой, синего цвета, он сверкнул в свете надвигающегося дня и тут же потух, зажатый в ладони варщика.

–Это пойдёт, – кивнул он. – Что желаете к столу?

–Отдай! – привстал молодой. – Лучше мы уйдём.

–И куда? – иронично усмехнулся Уляк. – Как я понимаю, барны мореходы, хотят наняться на корабль? Так вот, запомните! Лишь отсюда, лишь из «Двух вёсел» вы сможете это сделать. Выйдите за порог и можете отправляться куда угодно, хоть в Заводь. Здесь вам уже ничего светить не будет. Лелята проследят, помяните моё слово! И это не угроза. Просто такой у нас теперь порядок!

–Он правду говорит! – опять вмешался тот, что остановил парня. – Всё через лелят идёт, вернее через их мошницы.

– А пристанщик? Куда же он смотрит? Я вот сейчас к нему...

–И вылетишь отсюда! – кивнул его собеседник. – Сам подумай, как лелята свои делишки будут проворачивать, если начальство не в доле?

–Прикрой пасть, Дарза! – прикрикнул на него варщик. – Или опять под замок захотелось? Тебя же из-за твоего дурного нрава ни на один корабль не берут, капитаны как от заразы шарахаются! Ну, ничего, через три дня ты у меня отправишься за дверь! Толлей-то у тебя тютю, даже лелятам больше нечем платить! Пойдёшь ты отсюда восвояси-и... – и Уляк мелко захихикал, противно подрыгивая жирными плечами.

–Вот ведь! Ещё целых три дня твою гнусную рожу видеть, – огорчённо помотал головой Дарза. – Главное чтобы потом не приснилась ненароком, ещё напрудил в постель от страха. ...А насчёт денег? На! – он ловко подкинул в воздух толику. – Это за тех мальчишек. Подай им чего-нибудь, а гребень верни.

–Это ж твои последние! – тронул Дарзу за руку один из сидевших за столом. – Как же ты теперь...

–Не твоя печаль, – небрежно отмахнулся Дарза. Было заметно, что он немного красуется, но Уляк уже поднял толику, отдал гребень хозяину и поспешил на кухню. Парень стал складывать пожитки обратно в мешок и тут дверь кашеварни широко распахнулась. Внутрь ввалились четверо. По крепкой одежде, новым сапогам и коротким мечам на поясах было понятно, что это не простые мореходы.

–Эй, Уляк! – громко позвал один из них варщика, в то время как остальные шумно расаживались за столом. – Вина пару кувшинов и рыбы!

Варщик быстро шмыгнул мимо них, поставил на стол молодым корабелям кружки с дымящимся настоем и, угодливо закивав, вихрем улетел за перегородку.

–Ну! Кто тут новенький? – предводитель лелят оглядел зал. Недоуменно подняв брови при виде монахов, он хотел было спросить их о чём-то, но те поднялись и спокойно отправились к выходу. Шедший сзади немного запутался в своём длинном глухом одеянии, мешковато сидевшем на нём. Пытаясь как-то расправить непокорный балахон, он запнулся возле стола, за которым сидел старый Раку, но удержался на ногах. Выпрямившись и не поднимая голову, он засеменил за своим товарищем, смиренно стоящим у входа. Смотрящие ему вслед лелята громко загоготали. Им вторили и другие. Не смеялись только молодые корабелы и Дарза. Его рука нервно сжимала сунутую монахом монету, а в голове вертелись сказанные скороговоркой слова: «Лодейник «Беглец». Ты принят».

***

Прохлада утра не спасла Росчи. Весь потный он сидел, тупо уставившись на своё имя, собственноручно нацарапанное им на углу пожелтевшего пергамента. Тот, кто принёс ему этот свиток, спокойно стоял напротив, сложив за спиной руки и безразлично глядя в окно.

–Барну угодно сесть? – спохватился Росчи. Прибывший милостиво кивнул. Откинув длинную полу, явно сшитого на заказ тёмного пыльника, он уселся на скамью, стоящую вдоль стены. Увидев его ноги, Росчи мысленно застонал: сапоги прибывшего стоили с десяток толлей и тоже делались отнюдь не на рядовом торговщике. Да и вообще весь его облик, начиная от коротко постриженных, с явно пробивающейся сединой волос и заканчивая теми самыми сапогами, дышал достоинством и... немалыми деньгами.

Пристанщик опять уставился в свиток. Он уже давно прочитал написанное там и теперь напряжённо думал, как попытаться избежать скандала. Всё дело в том, что лодейник «Беглец», права на который предъявил прибывший...

–Я тут прошёлся по пристани, – прервал его размышления гость, – и увидел любопытную вещь...

–Ка-ка-кую? – запинаясь, произнёс пристанщик.

–Почему-то «Беглец», которым, согласно этому свитку, владеет почтенная барна Валваль, стоит под разгрузкой. И с него выносят товары! Насколько мне известно, никаких подобных указаний она не отдавала. «Беглец» должен был мирно стоять в Предустье, а не бороздить морские просторы! Не кажется ли это, барну старосте, несколько странным?

Росчи закивал головой. Сначала утвердительно, затем отрицательно. В конец запутавшись, он уставился на гостя и развёл руками.

–Понимаю, – насмешливо сказал прибывший. – Барн пристанщик сам в недоумении, не так ли?

–Да – а, – выдавил из себя Росчи.

–Что ж! Придётся привлечь друзей из Порядья. Это же ни на что не похоже! Кто-то за спиной пристанного старосты проворачивает свои тёмные делишки...

–Это я! – неожиданно пискнул Росчи.

–Что «я»?

–Я знаю...не за спиной...Это мой товар! – наконец выпалил он и бессильно откинулся на бревенчатую стену, больно ударившись спиной.

–Вот как?

–Достопочтенный барн... м-м-м?– запнулся Росчи и вопросительно посмотрел на гостя.

–Барн...Шича, – чему-то улыбнувшись, кивнул прибывший. – Доверенное лицо мило-стивой барны Валваль.

–Так вот,– набрав полную грудь воздуха, продолжил Росчи, – я давно знаю барна Кемача. Видя, что «Беглец» очень долго находится в Предустье, я набрался смелости и решил, что простой корабля может встать высокочтимому барну слишком дорого. Я даже написал ему, но совершенно завертелся. Так много дел! И все неотложные!

–Так зачем же барн староста писал Кемачу? Ведь он сам подмахнул договор, передающий «Беглец» в собственность барны Валваль...

–Барн Шича! Ну не знаю я барну Валваль! Не знаю! Даже мельком не видел! И как бы она отнеслась к моему письму? А барн Кемач другое дело...

–То есть барн хочет сказать, что всё это делалось ради блага семьи барны Валваль?

Росчи усердно закивал головой. Гость хмыкнул и, встав, опять подошёл к окну. Немного постояв, он резко повернулся к пристанщику и у того внутри всё похолодело. Маска изнеженности и добродушности исчезла, и на Росчи уставились пронзительные глаза прожжённого торгаша.

–Первое. Разгрузку завершить до полудня. Очистить лодейник, вылизать его от килиа до кончиков мачт! Понял?

Гость отбросил всю вежливость, но Росчи не обратил на это внимания, кивая на каждое слово.

–Второе. Вся ватага, включая капитана, списывается на берег!

–Барн Шича сам поведёт судно? – осмелился спросить пристанщик.

–Не важно! Третье. Никаких препон! Судно должно быть полностью снаряжено и готово к длительному плаванию. Запасы еды и воды, так чтобы хватило до Коррора. Устранить неполадки, заправить корабельные фонари...ну и всё остальное. Кстати, что за груз сейчас выгружают с «Беглеца»?

–Сборный. Кожи, вино, немного оружия...

–Сколько это всё может стоить?

–Здесь или в Корроре?

–Конечно здесь! Живее, ну?!

Трясущейся рукой Росчи перевернул свиток и на другой стороне начертал несколько цифр.

–Неплохо. Хотя даже сейчас ты пытаешься меня обмануть. Ладно. Сколько рейсов уже совершил «Беглец»? И не смей врать! – повысил голос прибывший.

–В этом году третий, – прошептал ошеломлённый пристанщик.

–Значит, ты наглед уже давно?

–Нет, нет и нет! В том году кораблём пользовался барн Кемач, когда приезжал в Пред-устье...

–Опустим, – махнул рукой гость. – Так что ты привёз за эти три плавания?

–То же самое...второй раз...

–А первый?

–Рабов, – еле слышно проговорил Росчи.

–Что – о?

–Рабов.

Гость вплотную подошёл к побледневшему пристанщику и схватил за грудки.

–Голову тебе оторвать...Ну да ладно. С этим потом разберёмся. Когда вернусь.

Отпустив Росчи, он брезгливо встряхнул руками, пододвинул свиток к себе и рядом с надписью Росчи черкнул свою.

–Вот. Эту сумму ты предоставишь до сегодняшнего вечера. Иначе... – он грозно посмотрел на пристанщика.

Росчи скривился, когда увидел написанное. Такие деньги у него были, но отдавать их за просто так не хотелось. У него даже мелькнула мысль, а не натравить ли на этого Шичу Лелюя с его лизоблюдами? Но он тут же отбросил её. Всё дело было в том, что эти перевозки Росчи проделывал сам. Один. Без всяческих компаньонов. И если бы это дошло до его зятя,...Росчи даже боялся подумать о том, что бы с ним в этом случае стало. Покорно кивнув головой, он осведомился, куда доставить деньги.

–Да всё туда же. На «Беглец». Ты ж постарайся управиться до вечера с моими «просьбами»?

–Несомненно, – пробормотал пристанщик.

–Дерзай, – насмешливо подмигнул ему гость и, забрав со стола свиток, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Своё слово пристанщик сдержал. Так быстро как «Беглец», на пристани давненько не выгружали ни одно судно, после чего лодейник был отогнан в дальний конец пристани, к затону, как это делалось в таких случаях. Старая команда отдраила корабль и недоумённо перешёптываясь, покинула борт. На подбор новой ватаги давалось два дня, после чего судно обязано было выйти из затона в реку, независимо от того, успел ли владелец набрать полную команду или нет. Если же владелец хотел продлить срок найма, нужно было платить немалую пошлину, что сурово било по кошелю. Но такое бывало очень редко. Команды на «возвраты» обычно формировались ещё на берегу, а проходящим кораблям, лишь иногда требовались всего два-три морехода, которых заменяли из-за болезни или по желанию капитана.

Вечером к «Беглецу» подкатила малая телега. Угрюмо восседавший в ней пристанщик, тяжело вздохнул, оглядывая взглядом лодейник и взяв в руку увесистый мешок, отправился на палубу. Там его уже подждал барн Шича, который гостеприимно кивнул и указал рукой на вход в кают-компанию, где бледный Росчи выложил звякнувший мешок на стол. Сесть ему не предложили, намекая на окончание визита, но Росчи всё же спросил:

–А куда хочет направиться, милостивый барн? И какова цель? Барна Валваль решила заняться торговлей?

–Увы, – развёл руками его собеседник. – Только между нами. Моей хозяйке совсем задурили голову эти «страдальцы» из Светлой Семьи. Вот и уговорили её переправить в Коррор нескольких своих проповедников. Хотят и там восхвалять свою веру. Так что... – барн Шича опять развёл руками.

Пристанщик глубокомысленно покивал головой. Ни единому слову своего собеседника он не поверил. Всё дело в том, что немного отойдя от тяжёлого и неприятного для него утреннего разговора, он всё же позвал Лелюя, успокаивая себя тем, что просто хочет лишний раз удостовериться в законности притязаний этого Шичи. Обрисовав зрителю ситуацию, (естественно не упоминая о своей непосредственной заинтересованности) он попросил как можно быстрее постараться узнать все, что можно о своём недавнем госте. Лелюй ничуть не удивился подобной просьбе, на некоторое время куда-то исчез с пристани и уже к вечеру вновь возник перед глазами старосты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.